

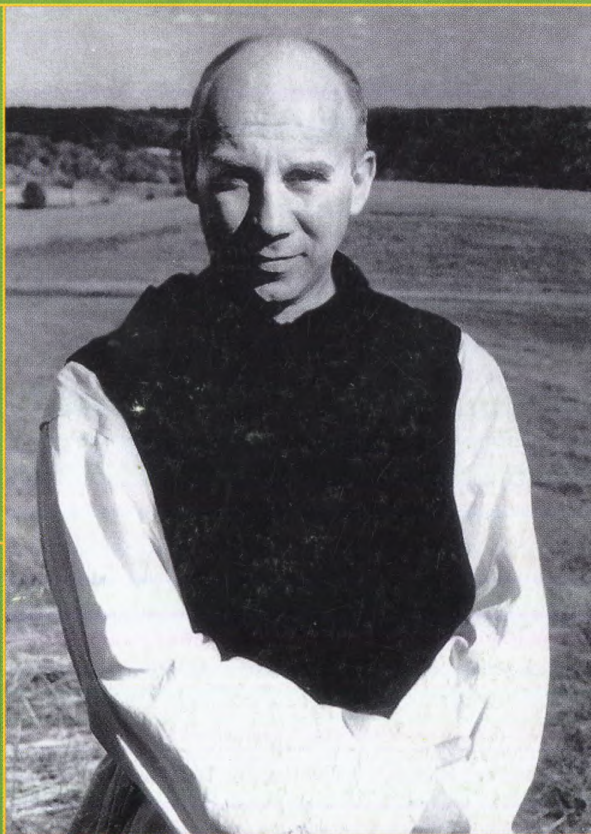
ЧИТАЯ БИБЛИЮ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «МИР БИБЛИИ»

*Энтони
Падовано*

Беседы с Томасом Мертоном

КАК
СТАТЬ
САМИМ
СОБОЙ

Серия «Читая Библию»

Энтони Падовано

Беседы с Томасом Мертоном

Как стать самим собой

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
св. апостола АНДРЕЯ

Москва

Серия «Читая Библию»
Приложение к журналу «Мир Библии»

Беседы с Томасом Мертоном
Как стать самим собой
Энтони Падовано

Перевод: Олег Корнеев, Эвелина Янзина

Редактор: Ирина Языкова

Корректор: Юрий Маслов

Художник: Антон Бизяев

Верстка: Виктория Старикова

Данный перевод английского издания *A Retreat With Thomas Merton. Becoming Who We Are* Энтони Падовано печатается с согласия и при поддержке издательства *St. Anthony Messenger Press*.

This translation of *A Retreat With Thomas Merton. Becoming Who We Are* by Anthony T. Padovano, originally published in English in 1995, is published by arrangement with *St. Anthony Messenger Press*.

Книга из серии «Читая Библию» Энтони Падовано называется «Как стать самим собой». В ней нашим собеседником становится современный американский писатель и монах-траппист Томас Мертон. Жизнь этого человека и его книги могут помочь читателю понять, сколь действенно Слово Божье, как Евангелие из книги для чтения становится Книгой Жизни, как Священное Писание может стать силой, изменяющей мир, хотя бы в радиусе одной-единственной души — но когда меняется один человек, как говорили древние, меняется весь мир. Томас Мертон своими книгами значительно повлиял на мир XX века. В России пока это имя мало знакомо, но читатель, несомненно, оценит Мертона как яркого и талантливого собеседника, сумеет почувствовать его незаурядный и сильный дух. И, надеемся, эти беседы помогут войти глубже в мир Писания.

ISBN 5-89647-083-5

© Anthony T. Padovano, 1995

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003

ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316

standrews@standrews.ru

www.standrews.ru

Содержание

Об авторе этой книги	7
<i>ДЕНЬ ПЕРВЫЙ</i>	
В начале пути	9
<i>ДЕНЬ ВТОРОЙ</i>	
Долина отчаяния	20
<i>ДЕНЬ ТРЕТИЙ</i>	
Город на холме	31
<i>ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ</i>	
Пустыня одиночества	46
<i>ДЕНЬ ПЯТЫЙ</i>	
Обретенная земля	63
<i>ДЕНЬ ШЕСТОЙ</i>	
По ту сторону океана	81
<i>ДЕНЬ СЕДЬМОЙ</i>	
Мир обретенный	97

Об авторе этой книги

Обретение спутников в странствиях — одно из самых отрадных человеческих переживаний. Странствия делают нас уязвимыми, вырывают из безопасного окружения, ввергают в неизвестность. Возможно, именно поэтому слово «странствие» часто используют метафорически для обозначения самой жизни со всеми ее перипетиями. Наш жизненный путь — рискованное предприятие. Он лежит через долины надежды и отчаяния. Он начинается во тьме материнской утробы и заканчивается во мраке смерти. Мы идем по жизни в надежде на то, что луч света никогда не исчезнет и путеводная звезда всегда будет с нами. Мы верим в благополучное возвращение и торжество любви.

Решив стать спутниками в странствиях, мы непременно должны рассказать друг другу о себе. Ибо мы не хотим, чтобы нами в пути предводили люди незнакомые или те, кто избрал молчание. Человеческая речь — это хлеб дружбы, общность сердца, вино, питающее и умиротворяющее душу. Слова любви и доброты, прощения и исцеления, искренности и одобрения дают начало литургии жизни. Внимать таким словам значит допускать в свое сердце Бога в звучащей речи и безмолвии.

Таким образом, вы, мои читатели, имеете полное право спросить, кто я такой, а я, со своей стороны, сочту долгом ответить на ваш вопрос со всей откровенностью.

Я христианин и всегда был таковым. Я принял крещение, приобщился к таинству миропомазания, был посвящен в духовный сан и выполняю все, что положено человеку моей конфессии. Все эти таинства я считаю необратимыми. Они указывают на более глубокий уровень постижения реальности и следования учению Иисуса.

Я католический богослов, писатель, драматург, лектор и университетский профессор, преподающий в Соединенных Штатах Америки.

Я люблю людей и вижу Бога в лице каждого человека. Вера моя основана на убежденности в исконной доброте человеческой природы. Я верю в удивительную способность людей любить друг друга. Я верю в их благие чаяния и крепкие надежды.

Я много путешествовал по миру, объездил почти все страны и континенты. Везде я находил Бога. Моя докторская диссертация по богословию посвящена Джону Генри Ньюмену. Степень доктора литературы я получил, написав работу о Томасе Мертоне. Оба этих человека стали моими наставниками в жизни. Я работал в больницах и церковных приходах. Видел там начало и конец человеческой жизни. Я научился у людей любви и состраданию, мужеству и стойкости. Я познал хрупкость и неразрушимость человеческого духа.

Я уже не молод, но при этом не чувствую себя стариком. Зрелость моя проявляется только в приобретенной с годами терпимости и во все возрастающем осознании того, что почти все люди достигают цели своего существования и исполняют собственное предназначение.

Я верю, что все жизненные потери служат определенной цели. Люди делают в своей жизни немало ошибок. Но то, что обычно принимают за неудачу, на самом деле оказывается лишь невозможностью достигнуть некоей искусственно поставленной цели. Именно таковым является большинство наших целей. Причина тому либо наше собственное неразумие, либо давление со стороны окружающих.

По своим убеждениям я оптимист. Я верю, что в людях больше добра, чем зла. Я убежден, что Церковь Христова никогда не утратит своей связи с Евангелием и будет твердо придерживаться его в средоточии своей духовной жизни.

День первый

В начале пути

Тема беседы

Духовный путь Томаса Мертона, рассматриваемый в контексте современной нам эпохи и в неразрывной связи с жизнью каждого из нас, будет предметом наших бесед. Излагая факты биографии Мертона, я постараюсь обратить особое внимание на те воззрения и духовные ценности, которые были определяющими в жизни этого человека. Огромный авторитет, которым Мертон пользовался среди своих современников, основывался на том, что его богословское учение являлось квинтэссенцией жизненного пути своего создателя, а также на удивительной способности этого автора находить путь к сердцу каждого своего читателя.

Есть богословы, написание биографий которых в значительной мере сводится к интерпретации их сочинений. Совсем не обязательно знать что-либо о жизни Фомы Аквинского для того, что понять особенности его богословского синтеза. Совсем другое дело произведения Томаса Мертона, правильная оценка которых возможна только в контексте того духовного пути, который прошел их создатель.

Я уже неоднократно писал о Мертоне. Назову четыре публикации, наиболее близкие по своей тематике к содержанию моей новой книги: *The Human Journey: Thomas Merton, Symbol of a Century* (Doubleday, 1982); *Contemplation and Compassion* (Peter Pauper Press, 1984); *Winter Rain: A Play in Six Scenes* (Paulist Press Video, 1985); *Conscience and Conflict* (Paulist Press, 1989).

Также мне доводилось читать курсы лекций, посвященных Мертону, в Фордхэмском и Нотрдамском университетах, неоднократно проводить семинары на эту тему в различных городах

моей страны. Сообщаю о себе всю эту информацию в надежде стать понятнее и ближе тем моим читателям, с которыми пока мы не были знакомы.

Вступительная молитва

В своей книге «Одинокие думы» («Thoughts in Solitude») Мертон признается в том, что у него нет уверенности относительно избранного им пути, он не может знать, что ждет его впереди, куда, в конце концов, приведут его духовные искания и кем он является на самом деле.

К тому времени, когда Мертон написал эти слова, он уже семнадцать лет был монахом Цистерцианского ордена, проведя эти годы в молитвах и размышлениях. Если даже такой человек мог испытывать неуверенность и сомнения, то и нам не стоит винить себя за то смятение чувств, которое охватывает нас, когда мы вступаем на этот путь.

Прежде чем продолжать чтение, помолчите немного и поразмышляйте над следующими утверждениями:

- Лишь недостаток веры порождает в нас убеждение в том, что нам может быть известен конечный пункт нашего духовного пути.
- Если Дух ведет нас, значит, в пути мы не одиноки.
- Очевидные и легкие пути не ведут к Богу, который окружен тайной и исполнен любви.
- Чувство неуверенности сближает нас с теми, кто движется вперед вместе с нами.
- Не надо бояться трудностей, которые встретятся нам на пути: Бог никогда не оставит нас.

Беседа первая

Когда Первая мировая война охватила всю Европу, многие говорили, что это будет последняя война в истории человечества. Какая ирония и боль звучат сегодня в этих словах!

Ужасы этой войны достигли своего поистине сюрреалистического масштаба во Франции, где эпоха Просвещения породила в свое время самые радужные надежды, в стране, провозгласившей принципы свободы, равенства и братства, вдохновлявшие европейцев на протяжении целого столетия.

И вот все пошло прахом! Франция была распята на колючей проволоке, испещрена окопами, искалечена всеми видами оружия, отравлена смертоносными газами. Гуманизм оказался в роли жертвы, и по самому здравому смыслу был нанесен смертельный удар.

Именно в такое страшное время во Франции родился Томас Мертон. Произошло это 31 января 1915 года в местечке Прадес в тиши Пиренейских гор.

Именно война заставила обедневшую семью Мертонов покинуть Францию, хотя, возможно, были и другие причины их отъезда. Вмешательство Провидения — это тот фактор, который никогда не следует сбрасывать со счетов. К тому же было бы неверно недооценивать роль матери Томаса — женщины, обладавшей железной волей.

В любом случае, такое начало жизни никак нельзя назвать благоприятным.

Прадес находился вдалеке от фронта, но последствием сражений 1914 года стало открытие военного госпиталя в окрестностях этого городка. Солдаты, проходившие по его улицам, отправлялись на смерть, туда, где шла кровавая бойня.

Рут Дженкинс Мертон решила, что ее муж Оуэн и сын Томас должны избежать такой страшной участи. Они пересекли Атлантику и прибыли в Нью-Йорк, подальше от охваченной войной Европы.

Рут Мертон была американкой. Она родилась в Огайо в семье книгоиздателя. Ежегодник Брэдфордской академии характеризует ее как исключительно одаренную личность, поэтессу, увлекавшуюся также танцами. Большинство из ее талантов перешли сыну. Она любила Францию, ее язык, искусство, национальную кухню. Томасу предстояло овладеть французским языком и стать учеником Жака Маритена, одного из самых выдающихся мыслителей Франции.

Рут вела дневники, в которых описывала различные события, происходившие в жизни. Ее сыну не было двух лет, когда она принялась за описание первых месяцев его жизни. Также она записывает свои впечатления о сыне. Она отмечает его

интерес к различным словам (так проявлялись блестящие зачатки литератора), пишет о том, то у ребенка бывают очень яркие сновидения (в ее дневниках и письмах регулярно сообщается о том, что снилось мальчику). Она пишет, что сыну явно недостает терпения и что он не любит, когда его держат за руку (жизнь Мертона будет полна активной деятельности, и еще многие годы спустя он будет с удивлением отмечать, что ему очень трудно бывает достичь взаимопонимания с женщинами).

Можно подумать, что мать и сын были очень близки друг другу. Во многом они очень похожи. Рут принадлежала к квакерам и питала отвращение к насилию, Томас испытывал привязанность к мягким и добрым людям и при любых обстоятельствах стремился к поддержанию мира. Муж Рут, Оуэн, писал как-то своему другу, что его сын во многих отношениях похож на свою мать.

У Томаса остались о матери совсем другие воспоминания. Серьезная, все время чем-то озабоченная, беспристрастная, независимая, требовательная, расчетливая, нетерпеливая, взыскательная, она была строга по отношению к сыну.

Люди оказывают на нас свое влияние не столько благодаря тем или иным убеждениям, присущим им, сколько в силу характера того образа, который остался от общения с ними в нашей памяти. И все же удивительно, как сильно впечатления сына о своей матери отличаются от описаний этой женщины, оставленных нам другими людьми. Чем это может объясняться?

Я думаю, что тут сыграли свою роль два обстоятельства. Значение первого из них признавалось Томасом, влияние же второго он старался всячески приуменьшить.

Первое — это смерть Рут и то, как она простилась с сыном.

Когда Томасу было шесть лет, у его матери обнаружили рак желудка, и она осталась в Нью-Йорке, где ожидала неминуемой смерти. Рут ни в коем случае не хотела, чтобы сын видел ее слабой, беспомощной и сломленной. Почему так, сейчас трудно ответить. Возможно, все дело в гордости. А может, такое поведение определялось тем, то она не хотела травмировать психику своего любимого ребенка и старалась уберечь его от созерцания смерти. В любом случае, внезапное расставание с матерью оставило незаживающую рану в душе сына.

Она отказала ему в праве видеться с ней. Вместо этого, когда конец был уже близок, она написала ему письмо. Много лет

спустя Мертон вспоминает об этом событии в своей автобиографии, и его яркое, живое описание производит на читателей неизгладимое впечатление. Становится очевидным, что воспоминание о случившемся никогда не покидало автора. Это была травма, которая осталась на всю жизнь.

Мертон вспоминает, что это было время, когда он бегал по лесу со сворой собак, лазил по деревьям, играл с цыплятами, наблюдал, как его бабушка обжигает в специальной печи фарфоровую посуду. Он был уверен, что так будет продолжаться всегда и что его мама будет жить вечно. Однажды отец вернулся из больницы и передал своему шестилетнему сыну письмо. Первой реакцией было удивление, радость и гордость за то, что ему, как взрослому, тоже пришло письмо.

Но затем он начал читать. Отец оставил его одного. Это была ошибка. Возможно, отец просто боялся, что не сможет выдержать то, что за этим последует. Далеко не всегда мы можем сделать то, что считаем необходимым.

Вот как Томас описывает случившееся. В одиночестве он сидит под кленом на заднем дворе и читает письмо, пытаясь расшифровать слова и разобрать смысл написанного. Он вчитывается в предложения, но отказывается принять их содержание. Его мать при смерти. Он никогда ее больше не увидит. Это письмо является ее последним посланием к нему. Он должен вести себя хорошо, помнить все, чему она его научила, и не скучать о ней слишком сильно. Она должна сказать ему: «Прощай». Он должен продолжать жить. Ее больше не будет.

Мертон описывает свою реакцию: горечь, уныние... Он не заплакал, но его охватило такое чувство тоски, которого он никогда не испытывал.

Много лет спустя после всех этих событий у меня состоялась беседа с Джеймсом Фоксом, который являлся настоятелем монастыря на протяжении двадцати из двадцати семи лет, проведенных Мертоном в монашестве. По словам Фокса, Мертон говорил ему о том, что чувство невосполнимой утраты осталось у него после того, как мать не позволила ему проститься с ней. Я полагаю, что суровые воспоминания, которые сохранились у Мертона о матери, прошли преломление через призму событий такого тяжелого прощания. Возможно, что повлияло на них и то неизбежное воздействие, которое оказало заболевание на настроение и характер матери еще до того, как ее положили в больницу.

Есть еще одна причина, по которой у Мертона могли быть негативные впечатления, связанные с его матерью. Но сама мать была здесь ни при чем. Мертон, всегда охотно описывавший события своей жизни, никогда не рассказывал и не писал о том, о чем пойдет сейчас речь.

Вскоре после смерти Рут у Оуэна была любовная история с популярной в двадцатые годы прошлого столетия писательницей Эвелин Скотт. Их роман начался осенью 1922 года на Бермудских островах. Несмотря на это, Эвелин продолжала жить вместе со своим мужем Сирилом. Ее отношения с Оуэном продолжались три года и вызывали у Томаса настоящую ярость. Об этом в своей автобиографии рассказывает сын Эвелин. Кроме того, и Эвелин, и Оуэн писали друг другу о неприязни, которую Томас испытывал по отношению к любимой женщине своего отца. Сам Мертон ничего об этом не рассказывал. Его подчас шокирующая откровенность в повествованиях о собственной жизни на данные события не распространялась.

Вся эта история завершилась, когда Томасу было десять лет. Вероятно, тяжелые воспоминания Мертона о своей матери были вызваны некоторыми ранними детскими впечатлениями, пропущенными через призму эмоций, вызванных ее прощальным письмом, и к тому же переплетенными с негативными представлениями о той женщине, которая впоследствии заняла ее место. Вряд ли маленький ребенок мог глубоко осознать суть происходящего, но вполне возможно, что все это неосознанно присутствовало в его восприятии.

Наши первые три беседы мы посвятим подробному рассказу о жизни Томаса Мертона: биография человека неотделима от его духовного пути, книга жизни каждого из нас запечатлевает в себе страницы сакральной истории.

А что же Оуэн? Оуэн был святым Томаса, его ангелом-хранителем. Со стороны все выглядело совсем по-другому, но какое это имеет значение? Отец навсегда останется таким, каким его запомнил сын.

Оуэн родился в Новой Зеландии, учился в Англии и во Франции, женился на Рут (родившейся в один год с ним) в 1914 году, когда им обоим было по двадцать семь лет. Через десять лет после смерти своей жены он скончался от опухоли мозга. Рут дожила до тридцати четырех лет, Оуэн умер в возрасте сорока четырех, когда Томасу исполнилось шестнадцать.

Во время этих последних десяти лет Оуэн часто бывал в отъезде. Он путешествовал по солнечным странам, рисовал яркие пейзажи Бермудских островов, Северной Африки и Южной Европы. И, конечно, он продолжал свои отношения с Эвелин, столь ранившие его сына. Вряд ли у него оставалось достаточно энергии для общения с Томасом.

Тем не менее, когда отец и сын оказывались вместе, между ними происходило что-то магическое и таинственное. Возможно, что потребность в родительской заботе, которую остро испытывал Томас, придавала их отношениям этот особенный характер.

Оуэн был утонченным человеком, он любил поэзию, музыку, живопись, увлекался садоводством. Мертон сообщает нам, что это был самый великодушный человек из всех, с кем ему доводилось встречаться.

Смерть отца буквально опустошила жизнь Томаса. Позже он будет неоднократно вспоминать изображения Христа в византийском стиле, нарисованные находившимся при смерти отцом. Появление этих рисунков и в самом деле удивительно: Оуэн всегда предпочитал создавать пейзажи, но не портреты. Эти изображения Христа, как мы увидим в дальнейшем, послужили исходным пунктом тем большим переменам, которые произошли в жизни Томаса.

В Томасе нашли свое воплощение черты обоих его родителей, ярко проявились все присущие им противоположные тенденции и противоречия. От своей матери он перенял миролюбие и писательские наклонности, любовь к языку и стремление записывать свои впечатления от жизни. Не имеет значения то, что он не испытывал по отношению к ней особой привязанности: свое влияние оказывают на нас не только те, к кому мы стремимся всей душой, но и те, от кого мы дистанцируемся. Оуэн Мертон был художником, он тонко чувствовал музыку, без усталости путешествовал, любил работать в саду. Это был человек свободный духом. Те же самые черты проявились и у Томаса.

Через два года после смерти отца Томас поехал в Рим. Там ему довелось пережить совершенно особый опыт, который круто изменил всю его жизнь. Трудно себе представить, что же именно это было. Результат очевиден, но то, что стало катализатором процесса, определить теперь крайне сложно.

Мертон посещает римские церкви, его буквально пленяют византийские мозаики. В церкви святых Козьмы и Дамиана

Мертон видит изображение Христа-Пантопратера — Вершащего Суд, и этот образ наполняет его своей энергией. Он ощущает духовную силу, исходящую из этих мозаик, чувствует вдохновляющую его веру, страх, величие, страдание и любовь. Он начинает молиться виденным им образам, олицетворяющим мудрость и силу. Он читает Новый Завет и с содроганием думает о состоянии собственной души. Мистическая сила направляет его, заставляет отказаться от потворства своим желаниям, возвышает над свойственными юности бунтарскими настроениями, заглушает протест по поводу потери родителей и дома.

Византийские образы, созданные умирающим отцом, сливаются воедино с мозаиками, изображающими Христа. Он ставит свечу за своего отца. Он сам не может объяснить своих действий. Он собирается поставить свечу за свою мать, но затем решает этого не делать. Даже после ее смерти он продолжает испытывать страх по отношению к ней: ведь она могла быть такой отчужденной, холодной, резкой.

В один из вечеров он вернулся в гостиницу и включил свет. Он был один в комнате, но чувствовал, что кто-то еще присутствует рядом с ним. Яркая вспышка пронзила его сознание. Это было что-то живое, реально существующее, ошеломляющее, но он не мог различить, что. Он вдруг ощутил всю бедственность состояния своей души.

После смерти отца прошло два года, но Томас был убежден, что в тот момент отец присутствовал в комнате. Мертон уверяет, что свет, этот спутник мистического опыта, охватил его целиком. Он почувствовал страстное желание обрести освобождение. Беспокойство и тревога охватили его, но они не были направлены на какой-то конкретный предмет.

Он начал молиться так ревностно, как никогда раньше, отдаваясь молитве всем своим существом. Это может показаться преувеличением, но Мертон сам так пишет о своей молитве.

Из глаз потекли слезы. Ослепленный своим горем, он вдруг почувствовал, что отца рядом с ним больше нет, зато присутствует сам Бог. И он продолжал молиться от всего сердца.

Когда через пятьдесят лет после описываемых событий Мертон работал над своей автобиографией, у него по-прежнему сохранялись очень яркие и живые впечатления от происшедшего в тот вечер. Его описание полно страсти и вдохновения. Его сознание пытается преодолеть этот опыт, но чувства

не позволяют сделать это. Теперь он облечен монашеским саном и обладает знаниями в области богословия. Эта новая роль требует от него не предавать большого внимания подобным событиям. Он спрашивает себя, насколько далеко он зашел в тот вечер. Возможно, его нервы были на пределе, и все произошедшее явилось лишь плодом больного воображения. Но такое объяснение недостаточно: там было что-то сверх этого.

Он в этом абсолютно уверен. Он чувствовал присутствие своего отца, видел божественный свет и ощущал глубочайшую скорбь о бедственном состоянии своей души.

Это было первое из четырех экстатических переживаний, описанных Мертоном в его дневниках. Каждое из них заставляло его вносить кардинальные изменения в свое поведение. Они становились поворотными пунктами его биографии и, таким образом, направляли его по жизни. Первое переживание помогло ему обратиться к духовным ценностям. Через восемь лет после случившегося он войдет под своды Гефсиманского аббатства.

В семье Мертонов был еще один член, о котором мы пока еще не упоминали. Настало время рассказать о нем.

Это — Джон Пол. Он родился в ноябре 1918 года, почти на четыре года позже Томаса.

Когда Мертон писал свою книгу «Семярусная гора» («The Seven Storey Mountain»), брата уже пять лет как не было в живых. Он погиб во время Второй мировой войны. Случилось это в апреле 1943 года, когда ему было двадцать четыре года. Его самолет потерпел крушение над Ла-Маншем. Причиной аварии стало обледенение крыла. Его обнаружили на спасательном надувном плоту, но у него был перелом черепа. Он прожил еще несколько часов, просил пить и бредил. Он умер задолго до того, как прибыла поисковая команда. Товарищи похоронили его в море.

Автобиография Мертона полна сострадания по отношению к Джону Полу и чувства вины перед ним. Напряженность в отношениях между ними никогда не выходила за пределы соперничества, обычного среди братьев, и все же Томас не может простить себе раннюю смерть Джона Пола. История их отношений очень болезненна для Томаса, который в этой связи вспоминает прежде всего два ключевых эпизода.

Первый имел место, когда Томасу было девять лет, а Джону Полу — пять. Томас в компании своих друзей строил какую-то

хижину, и младший брат хотел подойти к ним. Томас прогнал его, запустив в него камнем. Джон Пол убежал, обиженный, испуганный: ему очень хотелось быть вместе с братом, а тот так себя повел! Эта история никогда не выходила из памяти Мертона.

Второй случай произошел в июле 1942 года. Джон Пол приехал в аббатство навестить брата. Он решил стать католиком, — похоже, чтобы снова быть вместе с Томасом.

Мертон вспоминает, что он увидел брата в церкви аббатства. Тот стоял вдалеке, на верхнем ярусе, и Томас не мог подойти к нему. Мертон стал жестикулировать, показывая брату, что тому нужно обойти здание церкви, и тогда он увидит дверь, через которую сможет войти внутрь. Но Джон Пол не понял его и в недоумении смотрел на Томаса, которому все это напомнило тот эпизод, когда им было девять и пять лет.

Во время прощания с братом Томас почувствовал, что больше они друг друга не увидят никогда. Предчувствия его не обманули.

История отношений с Джоном Полом была очень важна для Мертона.

Чувство вины перед младшим братом стало одним из факторов, убедивших Томаса в том, что он должен стать защитником всех тех, кто пострадал от действий власть имущих. В своем стихотворении *Cables to the Ace* он говорит о грехопадении и первородном грехе применительно к истории Каина и Авеля. Первородный грех, по Мертону, проявляет себя как отказ в помощи слабому. Мертон становится пророком социальной справедливости. История с Джоном Полом напоминает ему, что невозможно быть пассивным наблюдателем того, как притесняют чернокожих или тех, кто отказывается от военной службы по религиозно-этическим убеждениям, и он встает на защиту всех невинных жертв, несчастных и обездоленных.

Мертон посвящает покойному брату одно из самых проникновенных стихотворений и берет на себя обязательство всю свою жизнь бороться за создание лучшего мира.

Все наши искания начинаются с событий повседневной жизни. Лишь потом мы сознательно придаем им духовную направленность. То, что происходило с нами в детстве и юности, подчас определяет направленность всей последующей жизни, именно в этот период закладываются основы нашей духовности.

Мертон как-то заметил, что род человеческий вызывает у него восхищение. Удивительное признание, особенно если учесть, каким тяжелым было начало его собственной жизни. Центральное положение христианства состоит в том, что Бог стал частью человеческой семьи. Именно в ней всегда и следует искать Бога.

Вопросы для размышления

- Кто ваша мать? Какой она вам запомнилась? Как она повлияла на вас? Чем вы отличаетесь от нее? В чем вы похожи?
- Кто ваш отец? Хотели бы вы, чтобы он был не таким, каким являлся на самом деле? Какое самое лучшее воспоминание об отце у вас сохранилось? Есть ли у вас негативные впечатления о нем?
- Какими были ваши первые представления о Боге? Был ли такой момент в вашем детстве или юности, когда Бог становился для вас реальным существом? Если «да», то как это происходило?
- Кто ваши духовные учителя?
- Готовы ли вы рассматривать свою жизнь как сакральную историю?

Заключительная молитва

Поразмышляйте над самыми первыми поступками, которые вы совершили в своей жизни. Вспомните свои юные годы, все радостные и грустные события, которые наполняли собой это благословенное время. Сохраняя молчание и испытывая глубокую благодарность, вы должны ощутить присутствие Бога.

День второй

Долина отчаяния

Единение в Духе

Я хорошо его помню. Это был приветливый, открытый мужчина средних лет. Он приехал из Амстердама. Мы встретились на конференции в Риме, несколько раз вместе пообедали. Он был безработный, друзья помогли ему собрать денег на поездку, чтобы он мог хотя бы на время забыть о тех трудностях и переживаниях, которые он испытывал, потеряв свое рабочее место. Ему было очень трудно найти новую работу: он был уже не в том возрасте, когда можно начать все с начала и когда работодатели охотно предоставляют тебе вакансию. Знакомая история, даже слишком знакомая.

— Чем вы занимаетесь в течение дня? — спросил я его однажды, когда возникла длинная пауза в нашей беседе.

— Ищу работу, молюсь о том, чтобы не утратить надежду, каждый день хожу на часовую прогулку со своим десятилетним сыном.

— Нелегко вам, — заметил я.

Его ответные слова мне запомнились на всю жизнь.

— Да, нелегко, но я хожу на прогулки с сыном. Однажды, когда меня уже не будет на этом свете, мой сын вспомнит о том, как мы с ним гуляли, и из всего, что я для него сделал, именно эти прогулки будут тем самым важным, что останется у него в памяти.

Мы посмотрели друг на друга и быстро отвели глаза в сторону: так обычно делают мужчины, когда их охватывают сильные чувства.

Во всех наших несчастьях присутствует благодать. Мысль не новая, и на оригинальность она не претендует. Иногда на эту тему говорят даже слишком много. Истории, подобные

только что описанной, напоминают нам о том, какой важной и поучительной является эта истина.

Когда мы объединяемся в духе, мы готовим себя к тому, чтобы отправиться в путь вместе с Богом и вместе друг с другом. И что удивительно, как только наша жизнь приобретает благополучный оборот и в делах нам сопутствует удача, так мы уже находим для себя трудным собраться вместе и уделить друг другу хотя бы часть своего времени и внимания!

Тема беседы

Вчера мы говорили о первых шагах в жизни человека, которому было суждено стать, возможно, самым выдающимся духовным учителем своего века. Это было нелегкое начало. Когда боль достигла своей кульминации, он впервые в жизни явственно ощутил присутствие Бога, он снова почувствовал, что его тяжело больной отец находится рядом с ним, и в его памяти промелькнули события тех десяти лет, которые они провели вместе после смерти матери.

Сегодня мы последуем за Мертоном в долину отчаяния и узнаем, каким образом он смог преодолеть самые темные участки своего пути и увидеть свет в конце его.

Вступительная молитва

В своей книге «Выгляни в неизреченное» («Raids on the Unspeakable») Мертон напоминает нам о том, что надежда утрачивает невинность и теряет жизненную силу, когда она начинает опираться на рассудок и холодный расчет.

В современном мире есть такая тенденция: мы привыкаем ставить свои надежды в зависимость от наших возможностей, от способности держать под контролем ход своей жизни. Когда все идет в соответствии с нашими планами, мы думаем, что Бог находится с нами. Но надежда требует от нас, чтобы мы поверили в то, чего достичь очень трудно. Надежда остается с нами даже в самой мрачной долине.

Посидите в тишине и подумайте о том, что является источником нашей надежды.

Беседа вторая

Мертон прошел трудный путь по долине отчаяния. Временами ему казалось, что в конце этого пути нет ни жизни, ни света.

Это было время, когда весь мир чувствовал себя в опасности. Жизнь Мертона была отмечена непрерывными войнами. За 142 года своей истории — в период с 1775 по 1917 год — Америка участвовала в пяти войнах (Войне за независимость, войне 1812 года, войне с Мексикой, Гражданской войне, войне с Испанией). За 53 года жизни Мертона произошли четыре войны (Первая и Вторая мировая, войны в Корее и во Вьетнаме).

Мертон родился через шесть месяцев после того, как в августе 1914 года орудийные залпы возвестили о начале самого страшного на то время конфликта в истории человечества. Его брат Джон Пол родился 2 ноября 1918 года, за девять дней до того, как Германия капитулировала, что положило конец кровопролитию и позволило заключить исторические мирные договора между участвовавшими в войне странами.

Томас поступил в Гефсиманское аббатство Пресвятой Девы Марии 10 декабря 1941 года, три дня спустя после нападения на Перл-Харбор.

Ставшая поворотной в судьбе Мертона книга «Семярусная гора» вышла из печати в 1948 году. Война в Корее началась в 1950.

Мертон умер в Таиланде в самый разгар конфликта. Его тело было доставлено на родину вместе с останками американских солдат, погибших во время боевых действий.

По иронии судьбы, войны были тем фактором, который в значительной степени определял внешние обстоятельства, а подчас и само содержание жизни человека, ставшего символом ненасилия, апостолом и пророком пацифизма. Вероятно, здесь есть своя закономерность. Ненасилие могло восприниматься Мертоном в качестве единственно возможной альтернативы бесчисленным человеческим жертвам, абсурдному по своей жестокости и масштабам кровопролитию, свидетелем которому он стал. За 53 года жизни Мертона 65 миллионов человек погибло в войнах — более чем по миллиону на один год его жизни. Среди жертв были и его брат, как мы уже знаем, и, как мы узнаем в дальнейшем, его ребенок вместе с матерью, которых он оставил.

Наше сознание разрывается на части, когда мы пытаемся себе представить, как 65 миллионов жизней было унесено за каких-то 50 лет. Но реальные потери даже превышают эту цифру. Миллионы семей были разрушены, колоссальные людские силы и природные ресурсы были истрачены на создание средств уничтожения вместо того, чтобы служить целям созидания и совершенствования человека.

Это было время, когда казалось, что рухнули все основы существования человеческого сообщества. Великая депрессия ознаменовала собой разрушение экономического уклада общественной жизни. Казалось, что цивилизация не ведет ни куда, кроме французских окопов и берлинских бункеров, холокоста и Хиросимы, корейского Хартбрейк-Риджа и вьетнамских джунглей.

Если Мертон сомневался в том, что развитие новых технологий спасет мир, у него были на то основания. Еще никогда в истории человечества достижения прогресса не использовались для уничтожения всего живого и разрушения самих основ жизни в таких масштабах, как во времена Мертона. Во время одной из войн применение ядовитых газов сделало смертельно опасным вдыхаемый человеком воздух. На другой войне свой урожай смерти собирала радиация.

Трагические события в семье Мертонов, о которых мы говорили во время предыдущей беседы, настроили Томаса на негативное восприятие событий его собственной жизни и той истории, которая разворачивалась перед его глазами. Рут Мертон умерла, когда ей было тридцать четыре года, а Томасу шесть лет. Оуэн умер в сорок четыре года, — Томасу тогда было шестнадцать. Джон Пол погиб в возрасте двадцати четырех лет, когда Томасу было двадцать семь. На пятьдесят третьем году жизни смерть настигла его самого, среди членов своей семьи он прожил дольше всех.

Причиной смерти Рут и Оуэна был рак. Большую часть своей взрослой жизни Мертон беспокоился по поводу своей предрасположенности к онкологическим заболеваниям. Когда он скончался в пятьдесят три года, никаких признаков рака у него не было. Но если бы он прожил дольше, вполне возможно, что и у него бы развилось это заболевание. Порой Мертон был склонен к ипохондрии. Число болезней, которыми он страдал, было напрямую связано с опасениями и тревогами, омрачавшими его жизнь. Тенденция здесь прослеживается очевидная.

Две смерти не были вызваны естественными причинами: Джон Пол погиб в авиационной катастрофе, Томас умер от удара током.

Может сложиться впечатление, что смерть и в глобальном масштабе, и в жизни его семьи непрерывно преследовала Мертон. Неудивительно, что он был подчас склонен впадать в крайности: это касалось и его собственного поведения, и отношений с окружающими. Он обращается к алкоголю, прибегает к радикальным формам протеста, проявляет неразборчивость в связях и ведет себя порой просто вызывающе. Он транжирит деньги, без устали путешествует, тщетно надеясь обрести покойствие. В его душе нет мира.

В конечном итоге такое его поведение отражается и на окружающих. Он бросает женщину, которая ждет от него ребенка. Наверное, это был единственный по-настоящему отвратительный поступок, совершенный им за всю жизнь. Чувство вины переполняет его, и это чувство более чем оправдано.

Ходили слухи, что эта женщина и ее ребенок погибли в Англии во время бомбардировок. Возможно, это и так, но прямых свидетельств нет. Даже если они действительно погибли, угрызения совести по-прежнему продолжали мучить Томаса. На протяжении всей своей жизни он будет искать женщину, которая родила от него ребенка, и своего сына, которого он так никогда и не увидел. Косвенно, он упоминает о них в своем последнем стихотворном произведении, эпической поэме *Geography of Lograire*.

Были у него и другие проблемы. Томас Беннетт был другом и лечащим врачом Оуэна Мертона. Он был шафером на свадьбе Рут и Оуэна и, по всей вероятности, крестным отцом Томаса. Когда Оуэну стало ясно, что жизнь вот-вот оставит его, он попросил Беннетта стать опекуном Томаса. Однако в представлении самого Томаса Беннетт был больше чем просто опекун. Он заменил ему умершего отца, и Томас перенес на него значительную часть тех светлых чувств и надежд, которые он связывал со своим покойным родителем.

Поведение Томаса все больше огорчало Беннетта. Сам он был высококлассным специалистом, у него была практика в престижном месте на Харлей-стрит. Беннетт был талантливым человеком, но терпение не относилось к числу его добродетелей. Он был совсем не таким спокойным, тихим и понимающим человеком, как Оуэн. Томас ошибался, когда думал, что два человека будут вести себя одинаково в силу того, что они по сути исполняют одну и ту же роль.

По мере того как отношения между ними становились все более напряженными, для Мертона они, похоже, постепенно утрачивали свою значимость. Письма от Беннетта становились все более резкими, было заметно, что его раздражение нарастало. В конце концов он потребовал, чтобы Мертон немедленно явился к нему в Лондон. Томас понял, что их отношения окончательно зашли в тупик.

И вот он прибыл к Беннетту, и его проводили в гостиную. Как вспоминает он в своей книге «Семиярусная гора», ждать ему пришлось очень долго. По мнению Мертона, это было сделано для того, чтобы наказать его и лишить душевного равновесия. Помещение производило гнетущее впечатление, атмосфера была удушливой, журналы скучные, а время казалось бесконечным. На самом деле он ждал полтора часа, но тогда ему казалось, что целую вечность. В конце концов, почувствовав себя в заключении и ощутив неспособность вырваться на свободу, он встал и направился вверх по узкой лестнице. Полы в офисе Беннетта были до блеска натерты воском, что сделало поступок Томаса весьма рискованным предприятием. По пути к рабочему столу, стоявшему в отдаленном конце кабинета, Мертон поскользнулся и едва не упал. Он был всего лишь испуганным юнцом: ему тогда не было и двадцати лет.

Поведение Беннетта оставило тяжелую травму в душе молодого человека. Мертон пишет, что опекун был с ним холоден, держался отстраненно и надменно. Разговор, который состоялся между ними в течение последующих двадцати минут, запомнился Мертону как один из самых неприятных эпизодов в жизни. В эти минуты Томас почувствовал себя жертвой. Позже, когда он бросит женщину, ждущую от него ребенка, уже сам Томас окажется в роли человека, совершающего жестокий поступок по отношению к окружающим. Оба этих случая стали для него уроками, которые он запомнил на всю жизнь.

Мертон покидает Англию и отправляется в Нью-Йорк. Он пишет новеллу «Мой спор с гестапо» («My Argument with Gestapo»). Получилась лукавая, в худшем смысле этого слова, книга: злобная, ругательная, эгоистичная. Он больше никому не верит. Все, кто заботился о нем, бросили его. Разрыв всегда происходил внезапно. Одни шли на это сознательно, других уносила смерть.

Мертон начал работать над книгой, когда до него дошли новости о начале бомбардировок Лондона и других английских городов. В этой новелле он описал события собственной

жизни. Через двадцать семь лет, в год своей смерти (1968), он назовет эту книгу сардонической. В момент ее написания Мертон думал, что Европа переживает период распада. Америка же представлялась ему воплощением абсурда. Ничего, кроме презрения по отношению к ним обоим, он не испытывал.

Написав в 1941 году эту новеллу, Мертон распрощался с миром иллюзий и лицемерия. Проблема была в том, что никакого другого мира он тогда не знал. Соответственно, и книга у него получилась циничная и безрадостная. Десять лет спустя, в 1951 году, он напишет, что отрицание мира, которое нашло свое выражение в этой книге, было слишком умозрительным, насмешливым, ругательным, просто отталкивающим. Но это был не выход, продолжает Мертон. Он пишет, что отрицание мира было способом заявить о себе, подчеркнуть свое отличие и превосходство. В 1951 году Мертон был уже не столь язвительен, он стал значительно мудрее, в нем проснулось сострадание.

«Мой спор с гестапо» — очень странная книга. Мертон создает героя, настолько похожего на него самого, что автор даже дает ему свое имя — Томас Мертон. Этот герой переживает некоторые из тех событий, которые происходили с Мертоном во Франции и в Англии. В книге они перемешиваются с различными мечтаниями автора, выдуманными путешествиями, неправдоподобными встречами и беседами.

Сложные психологические процессы происходят в душе у Мертона. Он близок к отчаянию, возможно, даже к самоубийству. Он пытается отстраниться от собственной жизни, растерянно блуждает среди своих мыслей и впечатлений, ничего не видит, кроме развалин и бедствий. Главный герой новеллы безнадежно одинок и неприкаян, он оказался жертвой тех сил, природа которых ему непонятна и противостоять которым он не в силах.

Эта новелла была единственным из сочинений, которое Мертон не уничтожил, поступив в Гефсиманское аббатство. Я думаю, что он решил сохранить эту книгу, потому что именно в ней он рассказал о себе кое-что из того, о чем он больше нигде не упоминал. В ней Мертон предстает перед читателями человеком на грани отчаяния, она раскрывает перед нами всю глубину того преображения, которое в дальнейшем произошло с этим человеком. После этой новеллы становится ясным, что обращение Мертона в католическую веру произошло по причинам,

скрытым в самых глубинах его души: оно не было ни случайным событием, ни плодом спокойного размышления. Вполне возможно, что единственной альтернативой этому поступку мог стать уход из жизни. Немного позже я выскажу свое предположение по поводу того, почему выбор Мертона пал именно на католичество. Но прежде чем мы поговорим об этом, я бы хотел добавить еще одно замечание, касающееся самой новеллы.

Мертон называет себя изгнанником, в любой стране мира он чувствует себя чужаком. Мир для него — тюрьма, и он высказывается в пользу суждения о том, что жизнь лишена смысла. Единственная страна, гражданином которой он себя ощущает, — это Casa*. Быть может, это образное упоминание о доме свидетельствует о подспудно зреющем в нем стремлении уйти в монастырь, что и произойдет в том же году спустя некоторое время.

Почему же после всех этих бурных событий, целиком поглотивших Мертона и поставивших его, по сути дела, на край гибели, он выбрал именно католичество? Мне думается, что его привлек прежде всего оптимизм, характерный для этой религиозной традиции.

Протестантизм больше склонен к пессимизму и конфронтации с миром. В протестантском учении ярче звучит обличительный пафос, для него в меньшей степени характерны терпимость и гибкость, снисходительность и гуманизм. На данном этапе жизни Мертона эта альтернатива ему не подходит. Православное христианство предстает как более величественное и возвышенное учение, в котором на передний план выходит богослужебный аспект. В нем меньше политики, меньше рационализма, но к этому Мертон не был готов, еще не пришло время. Он делает выбор в пользу католичества, в котором находит оптимизм и гуманистическое начало. Свою роль сыграли и созданные в рамках этой традиции творения гениев музыки и литературы. Традиции католического монашества, тщательно разрабатываемые на протяжении веков, также привлекали Мертона. Важным обстоятельством для него являлось и то, что католическая церковь не отвергала грешников, но проявляла готовность принять их и простить. Сакраментальность мира состоит в том, что Бог присутствует в мире. Но это совсем не означает, что Его присутствие может быть легко обнаружено.

* Дом, жилище, семья (ит.). — Прим. пер.

Сакраментальность мира не требует от нас того, чтобы мы отвергли его материальную составляющую. Но мы должны переступить ограничения, накладываемые на нас миром, превзойти его. Превзойти мир, согласно учению Католической церкви, не значит просто пройти мимо него (такой подход в большей мере свойственен протестантской традиции), а означает то, что мы должны принять мир таким, какой он есть, и пройти через него, преодолеть его. Христиане-протестанты стремятся к созданию идеальной Церкви, католики проявляют большую готовность к компромиссу.

Прежде всего, католичество вернуло Мертону его родителей. Он возвратил Томасу такое наследие его матери, как любовь к языку и печатному слову. Церковь стала для него «Матерью Церковью». Протестантской церкви такое определение подошло бы в меньшей степени. В своем последнем стихотворении *The Geography of Lograire* Мертон говорит о Церкви как о женщине, которая вскормила и воспитала его.

Католичество помогло Мертону осознать смысл живописи и музыки, так много значивших для его отца. Оно дало Мертону веру в общение святых, среди которых он видел своего отца. Оно вернуло ему мозаики и изображения Христа, так похожие на выполненные в византийском стиле его умирающим отцом. Наконец, теперь перед ним открылся смысл созидательного труда, работы на земле, которая была неотъемлемой частью жизни отца. Неудивительно, что у истоков наиболее почитаемых Мертонем религиозно-монашеских традиций — францисканской и бенедиктинской (цистерцианско-траппистской) — стояли святые, прославлявшие землю своими вдохновенными поэтическими строками и считавшие труд столь же важной составляющей жизни, как и молитву. Католичество дало Мертону уверенность в том, что прощение, полное прощение, всегда может быть даровано человеку.

В этот период жизни Мертон обращается к Данте, католическому поэту, проникшему в своей поэме «Ад» в самые глубины зла и нашедшему для описания рая наиболее прекрасные из всех слов, когда-либо написанных человечеством. Не случайно, что свою автобиографию Мертон назвал «Семиярусная гора»: этот образ использовал Данте для описания чистилища. Для Мертона чистилище представляет собой воплощение всех страданий и всего зла, присущих нашему миру. Но чистилище оставляет человеку надежду. Данте пишет, что между чистилищем

и адом существуют только два отличия: первое — это надежда, второе — вера в рай. Надежда учит нас находить смысл во всех наших страданиях. Вера в рай позволяет увидеть, что жизнь — это не только страдание.

Много лет спустя, на завершающих этапах своего духовного пути, Мертон придет к убеждению, что католичество представляет собой грубую, косную, жесткую, почти жестокую религиозную традицию. Но это будет уже совсем другое время и другая глава нашей книги. Пока же католичество олицетворяло собой для Мертона красоту, древнюю и вечно новую, освещавшую его путь и спасавшую ему жизнь. Католичество предлагало ему конкретную оптимистическую альтернативу, не требовало отчета во всех совершенных грехах и не позволяло останавливаться в своем движении вперед по духовному пути.

Всегда трудно найти правильное место тем утратам, которые мы понесли в жизни. Но зачастую трудности и неудачи оказываются необходимыми для того, чтобы открылись новые возможности и перспективы, недоступные для нас при ином стечении обстоятельств. И наоборот, успехи не всегда идут нам на пользу. Успех, как правило, приносит удовлетворение, но он может и ограничить наши стремления, заманить нас в свою ловушку. Успех предъявляет к нам свои требования, порождает различные ожидания, налагает бремя на тех, кого мы любим. Наши победы — это поражения тех, кого мы превзошли. Различные элементы, составляющие сложное уравнение человеческой жизни, далеко не всегда пребывают в состоянии гармонии, способной даровать нам счастье. Даже если число поражений превышает количество побед, в перспективе это может сослужить нам добрую службу.

Мы точно знаем: Мертон испытал на себе самые тяжелые превратности судьбы. Но мы также знаем: он стал непревзойденным духовным учителем, мистиком, великолепным прозаиком и автором незабываемых стихов. Он стал источником вдохновения для миллионов, современным пророком, благодаря которому идея ненасилия вошла в нашу жизнь, а сознательный социальный протест, к которому теперь все чаще присоединяются даже те, кто посвятил себя молитвам и размышлениям, стал неотъемлемой частью духовного пути.

Вполне вероятно, что «долина отчаяния» была необходима для того, чтобы все это могло осуществиться. Если бы жизнь Мертона была исключительно светлой, то он мог бы и не найти

в ней свой правильный путь, а даже если бы и нашел, то мог бы сбиться с него или продвигаться вперед не столь ревностно.

Мы размышляли о страданиях, выпавших на долю Мертона, для того, чтобы научиться правильно оценивать те несчастья и неудачи, с которыми мы сами сталкиваемся в жизни. Таинство Пасхи состоит не только в том, что благодаря ему мы убеждаемся в существовании жизни после смерти. Оно помогает нам поверить в то, что счастье значительно чаще, чем мы обычно предполагаем, находится в зависимости от переживаемых нами страданий и что оно, вопреки нашим опасениям, в конечном итоге перевешивает все беды и несчастья.

Вопросы для размышления

- Какие самые большие неудачи были в вашей жизни?
- Какие новые возможности открылись перед вами благодаря этим неудачам?
- Кто или что помогает вам, когда вы теряете веру в себя?
- В чем состоят ваши самые заветные надежды?
- Что помогает вам поверить в осуществимость этих надежд?

Заключительная молитва

Поразмышляйте о том, что происходило в Гефсиманском саду. Вспомните о распятии Христа. Не думайте пока о Воскресении, но постарайтесь почувствовать всю горечь этих событий и то ощущение безысходности, которое порождали они. Разве поверили бы мы, глядя на умирающего Христа, если бы кто-то сказал: «Он снова обретет жизнь, и Его будут помнить и любить на протяжении всей истории человечества»? Ученики Христа — и те не верили. Наше теперешнее положение не выглядит таким безнадежным, как у распятого Христа, так неужели мы не можем найти в себе силы для того, чтобы обрести надежду?

День третий

Город на холме

Единение в Духе

Перелет из Сиэтла в Нью-Йорк был долгим. Пассажир, сидевший в соседнем кресле, то и дело косился в мою сторону, пытаясь разобрать, какую книгу я читаю. Люди вообще часто проявляют любопытство по отношению к тому, какие книги читают окружающие. В данном случае это была книга, посвященная истории церкви и государства в средние века. Я подумал, что, прочитав заглавие на обложке книги, мой сосед решит воздержаться от общения со мной, видя, что мои интересы столь узки и академичны.

Когда нам принесли ленч, пассажир поинтересовался, не являюсь ли я историком. Я ответил, что занимаюсь богословием. Сам он оказался сотрудником международной банковской сети, возвращавшимся из командировки в Японию. Тогда я поинтересовался, какое впечатление произвела на него культура этой страны, а также задал пару вопросов на финансовые темы. Он с грустью посетовал на свою несчастную жизнь и рассказал о том, что всегда мечтал стать профессором истории. Но отец принял решение заплатить за обучение моего попутчика лишь после того, как он согласился изучать бизнес и менеджмент. Отец руководил им, и он этому не противился.

Теперь он стал богат, но именно из-за денег расстроилась его женитьба. Отец мог быть им доволен, но сам он так и не смог осуществить свою мечту, да и к тому же был вынужден пожертвовать отношениями с очень дорогим для него человеком. Наступает момент, заметил он, когда привыкаешь к большим доходам и уже просто не можешь представить для себя другой жизни. Страх того, что вдруг придется начинать

все с начала, буквально парализует тебя. В нашей беседе наступила долгая пауза, во время которой мы обменялись лишь парой малозначительных фраз.

Я был совершенно незнакомым ему человеком, к тому же богословом, способным понять его любовь к исторической науке, и он решил открыть мне то, что тщательно скрывал от других. Он подчинился отцу и отказался от своей мечты. С тех пор его уделом стали страдание и невыразимая тоска. Уже после того, как мы приземлились, он сказал: «Путешествия не приносят радости, если они все больше отдаляют от тебя твою мечту и никогда не заканчиваются возвращением домой».

Мы расстались. Я прослушал его рассказ, но помочь ничем не мог. Мы даже и не представляем себе, какое тяжелое бремя подчас носят окружающие нас люди и при этом не показывают никому, как им бывает тяжело. Мир полон подспудного, невысказанного страдания. Возвещая грядущий суд, Иисус обращался к бездомным и обездоленным. Самая сущность христианства состоит в том, чтобы помочь каждому найти свою дорогу к дому.

Тема беседы

Мы познакомились с Мертоном в самом начале его жизненного пути. Мы увидели, что ему никак не суждено было обрести свой дом, найти счастье и покой среди своей семьи. Глубокое разочарование и тоска поселились в сердце молодого человека и заставили его начать поиски новой жизни. В конце концов он находит Гефсиманское аббатство и там обретает неизвестный ему до той поры душевный покой. Мертону двадцать шесть лет.

Сегодня мы узнаем, как он, будучи монахом-цистерцианцем, провел оставшиеся двадцать семь лет своей жизни. Смерть настигла Мертона, когда ему исполнилось пятьдесят три года. Немногим более половины из этих лет он провел в монастыре.

Вступительная молитва

Дом — это, прежде всего, состояние души и, уже во вторую очередь, место, в котором мы находимся. Дома мы чувствуем себя самими собой, мы знаем, что здесь нас всегда готовы понять и принять. Наша потребность состоит в том, чтобы ощущать себя

теми, кем мы являемся в своем первоизданном виде. Те, кто принимают нас в таком качестве, становятся нашей семьей и образуют собой наш дом.

В «Семенах созерцания» («Seeds of Contemplation») Мертон пишет, что для него быть святым означает быть самим собой. Ничего другого для этого не требуется.

Бог призывает нас быть самими собой, и в этом состоит наше самое главное призвание. Все остальное, что мы делаем, другие могут сделать так же или даже лучше. Но только мы сами можем исполнить эту абсолютно уникальную обязанность — быть самими собой.

Для христианина быть самим собой значит быть вместе со своими ближними, вместе с Церковью, с Христом, с Богом. Однако наличие всех этих связей не должно вводить нас в заблуждение. Католическое учение о приоритете совести включает в себя следующее положение: никто не может быть принужден к отказу от единства своей изначальной сущности.

Мой собеседник, с которым мы познакомились в самолете, чувствовал себя несчастным бездомным, потому что его призвание быть самим собой осталось невыполненным, право на самоопределение было нарушено, и он был не в силах восстановить внутреннюю гармонию своей души.

Когда Мертон прибыл в Гефсиманское аббатство, он почувствовал, что здесь его дом. Иллюзии и фальшь прежней жизни остались в прошлом, отныне он мог быть самим собой. Гефсиманское аббатство стало для него домом, потому что он был готов назвать его своим домом.

Ощущая присутствие Бога, молитесь о том, чтобы он даровал нам просветление и благодать, чтобы мы смогли исполнить свое призвание быть самими собой. Мы должны думать о том, как исправить те недостатки, которые у нас имеются, но прежде всего нам следует поблагодарить Бога за то, что он создал нас такими, какие мы есть.

Поразмыслите об этом в молчании.

Беседа третья

Мертон был монахом Гефсиманского аббатства с 1941 по 1968 год. Я полагаю, что этот срок может быть естественным образом разделен на три периода: школа монашества (1941-1948 гг.), церковное служение (1948-1960 гг.) и период международной деятельности (1960-1968 гг.). Конечно, эта схема является в известной мере искусственной. Все эти годы Мертон был монахом, и провел он их в лоне Церкви. Но, тем не менее, предложенная мною периодизация имеет свои преимущества. В разные годы в центре внимания Мертона оказывались различные сферы бытия. Узнавая о том, что происходило в его жизни во время каждого из этих периодов, мы можем лучше себе представить этапы духовного роста Мертона, почувствовать всю творческую силу и неумную энергию его души, увидеть, как самосознание этого человека обретало свою целостность и завершенность, как продвигался он вперед по пути осуществления своего призвания.

Школа монашества (1941—1948 гг.)

Когда Томас Мертон прибыл в Гефсиманское аббатство, он был подобен моряку, добравшемуся до берега после кораблекрушения. Ему было двадцать шесть лет, и, как мы знаем, за эти годы он хлебнул немало горя. Никого не осталось рядом с ним, и впереди его ждали все новые несчастья. Аббатство стало для него прибежищем, оно заменило ему дом и семью. Подавая прошение о приеме в члены братства, он впервые в жизни почувствовал, что нашел свою семью и после долгих скитаний оказался дома.

Мы немного забежали вперед в своем рассказе и теперь должны вернуться и посмотреть, какие обстоятельства сопутствовали тому, что Мертон принял решение уйти в цистерцианский монастырь. Зная о том, как проходила его жизнь, трудно было предположить подобное развитие событий. Как же все-таки это произошло?

Покинув Англию, Мертон перевелся из Кембриджа в нью-йоркский Колумбийский университет. Это событие ознаменовало собой большую перемену в его жизни. Здесь он встретил

своих лучших друзей, преданность к которым он сохранил на все оставшиеся годы. Никто никогда не сомневался в том, что Мертон был очень одаренной и талантливой личностью. Он и сам это понимал. Но при этом он никогда не считал себя привлекательным человеком, способным вызывать интерес и внимание окружающих. В течение всех последующих двадцати семи лет его жизни друзья помогали Мертону реализовать заложенные в нем дарования и обрести заслуженный авторитет и уважение в обществе.

Среди тех, кто в значительной мере способствовал духовному росту Томаса Мертона, было два профессора. Влияние одного из них было непреднамеренным, другой же целенаправленно помогал своему ученику. Лауреат Пулитцеровской премии поэт Марк Ван Дорен стал для Мертона образцом настоящего учителя, Томас преклонялся перед его писательским мастерством и высокими нравственными качествами. Ван Дорен стал для него наставником, проводником, чуть ли не вторым отцом. Мертон относился к нему с глубочайшим почтением, именно ему он прежде всего отправлял свои сочинения и доверял свои мысли.

Другим профессором был философ Дан Уолш. Это был выдающийся учитель, неординарный и по-настоящему благородный человек. Он смог понять, что творилось в душе у Мертона. Именно он познакомил Томаса с цистерцианской традицией и открыл для него Гефсиманское аббатство. Уолш обнаружил в Мертоне одно очень важное качество, которое до того момента не замечал никто из окружающих: предрасположенность к интенсивной духовной жизни и мистическому постижению реальности.

Томас Мертон испытал на себе влияние с самых различных сторон. Он читал поэзию Вильяма Блейка и даже защитил по нему диссертацию. Он помнил, что еще ребенком слушал, как отец читал ему стихи этого поэта. Именно Блейк, как мы теперь можем судить, открыл для него другую реальность, находящуюся за пределами литературы, времени и самого мира в целом.

Мертон читает Хаксли, Жильсона, Августина, Игнатия Лойолу. Он становится пилигримом в мире Духа. Он обретает надежду, стремление к очищению собственной души, веру в исцеляющую силу благодати, в Иисуса Христа, в Католическую церковь и особенно в монашество и священство. Он посещает

службы, во время которых испытывает неведомое ему до той поры чувство умиротворения и покоя. Мертон читает Новый Завет, искренность и возвышенная духовность этой книги вдохновляют его. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь он придет ко всему этому?

Но не все идет так гладко и безболезненно. Он по-прежнему много пьет. За его развязными манерами скрываются чувство неуверенности и стремление защитить себя от превратностей окружающего мира. Он подумывает о том, чтобы стать священником, но затем отказывается от этой идеи, посчитав это для себя невозможным. Позже, когда он все-таки принимает решение стать соискателем духовного сана, ему отказывают и францисканцы, и представители других орденов. Разнообразные любовные похождения свидетельствуют отнюдь не в пользу Томаса, к тому же выясняется, что его вполне могут привлечь к суду за тот неблагоприятный поступок, который он в свое время совершил в Англии. Мертон болезненно переживает этот отказ. Ему прямо заявляют, что таким людям, как он, не место среди служителей Церкви и что, соответственно, священником ему не быть никогда. Ошарашенный всем этим, он бесцельно бродит по окрестностям, у него сдавливает дыхание, и он горько рыдает. Цель, к которой он раньше и не стремился, становится вдруг для него настолько важной, что преграда, возникшая на пути к ее достижению, делает жизнь Мертона невыносимой.

16 ноября 1938 года неподалеку от Колумбийского университета в церкви Тела Христова Томас Мертон принимает крещение в лоне Католической церкви. Это был условный обряд, поскольку Мертона уже крестили. В то время отношения между различными направлениями христианства переживали не лучшие времена, и служители Церкви относились по меньшей мере с сомнением к обряду крещения, совершенному в рамках другой конфессии. Его поручителем и крестным отцом стал Эдуард Райс. Свидетелями во время совершения таинства были друзья Томаса по университету: Роберт Лакс, Роберт Джерди, Сеймур Фридгуд, к слову сказать, все евреи по национальности. Мертон прославляет крещение в стихах, восторженно пишет об этом событии в своем дневнике, а внутреннее чутье совершенно верно подсказывает ему, что бесшабашное поведение, разрушавшее до той поры всю его жизнь, осталось в прошлом.

В 1940 году Мертон отправляется на Кубу и там во второй раз в жизни переживает экстатическое видение. Он описывает его в своем «Мирском дневнике» («The Secular Journal»). Оно дополнило собой то видение, которое посетило Мертона в 1933 году и стало началом его духовного пути. На Кубе перед Мертоном открылась перспектива стать священником, и церковное служение теперь могло стать для него реальностью. Сомнения остались в прошлом, их место заняла непоколебимая уверенность в правильности выбранного пути. И вновь этот утонченный интеллеktуал принимает решение о своем будущем, основываясь прежде всего на экстатических переживаниях и мистическом чутье.

Томас описывает то, что с ним произошло. Даже мельчайшие детали не ускользают от его внимания. В Гаване он присутствует на богослужении. Слушает пение детского хора, чистое и трогательное, видит статую св. Франциска, предстающего перед Богом. Звучит колокол, и затем в полной тишине молодой священник произносит: «Credo» («Верую»). Громкие, вдохновенные, пламенные детские голоса наполняют собой церковь. Что-то происходит внутри Мертона. По его описанию, это было подобно удару грома. Он видит уже не только глазами. Он ощущает присутствие Бога во всем Его могуществе и славе, Бога, воспетого всеми святыми и праведниками. Мертон видит Бога перед собой и небо вокруг себя и вокруг здания церкви. Он чувствует, что отрывается от земли, его сотрясает гром и пронзает свет. Никакого страха, только радость, неописуемая красота, уверенность, не знающая сомнений.

Через год Мертон отправится в Кентукки и подаст прошение о приеме в цистерцианский монастырь. Он описывает это событие в «Семиарусной горе».

Он прибыл в Луисвилл на поезде. Каждой частичкой своего тела он ощущал свободу. Не осознавая себя от радости, он случайно зашел в зал ожидания для чернокожих. Атмосфера вокруг него сразу накалилась, и он поспешил принести свои извинения. Знаковое совпадение. Позже, уже находясь в монастыре, Мертон будет призывать к слову жестокой и бесчеловечной системы расовой сегрегации.

Незнакомый водитель подвез его до Гефсиманского аббатства, и Мертон остался наедине с собой. Улицы были безлюдны, и какое-то время он в полном одиночестве стоял перед аббатством, собираясь с духом для того, чтобы сделать свой

следующий шаг. Он позвонил в колокольчик и услышал эхо, которым отозвался пустынный двор по ту сторону ворот. В конце концов подошел один из братьев и поинтересовался, не желает ли посетитель остаться у них. Мертон ответил: «Да».

Период монашества — это то время, когда Мертон был целиком погружен в свою внутреннюю жизнь, его существование было скрыто от окружающих за монастырскими стенами. Он принял на себя обеты бедности, безбрачия, послушания, молчания и соблюдения постов. Молитвы и пение псалмов очищали его душу. Стихи, написанные им, исполнены покоя и благодати.

Это было время умиротворения и радости, поэзии и медитации. Именно в эти годы зародились семена созерцания и будущего творчества. Если бы не они, вся будущая жизнь могла бы превратиться в бесполезную, бессмысленную суету.

Эти ранние годы, проникнутые религиозной романтикой, стали одним из кульминационных этапов его духовного пути. Период послушничества — это время утешения и торжественной радости. Это чувство надежности и безопасности, сопряженное с тем, что кажется вечным и неизменным. Мертон чувствует в монашестве великую силу и готов без остатка раствориться в этой новой для него безграничной реальности.

Теперь он уже не Томас Мертон, а брат (в последствии отец) Людовик. Бурное течение жизни остановилось, и на данный момент это именно то, что ему нужно. Есть свидетельства о том, что в это время он был очень суров, строг и даже жесток по отношению к самому себе. Его новая книга «Изгнаний славы ради» («Exile Ends in Glory») описывает жизнь монахини в монастыре. Это очень набожное произведение, в котором нет места каким-либо сомнениям или возражениям. Именно такую книгу и должен был написать настоящий цистерцианский монах, если уж он решил взяться за перо. Мертон приветствует те бесчеловечные на первый взгляд аскетические практики, через которые проходит монахиня в монастыре, оправдывает суровость и даже жестокость ее наставников. В этой книге Мертон изнутри описывает жизнь своей героини, и то, что он пишет, является выражением его собственного опыта. Ему очень нелегко. Годы греховной беспутной жизни требуют искупления. Усердие, чрезмерное рвение, свойственное новообращенным, охватывают его целиком. Он покорен и с готовностью принимает все

наставления. Он больше не несчастен, но пока еще действительность не предстала перед ним во всей своей сложности, многогранности и завершенности. Познание всего этого будет означать для Мертоня обретение настоящего всеобъемлющего счастья, но пока это еще не произошло.

Он пишет книгу «Семена созерцания», ставшую впоследствии классикой духовной литературы. Будущее уже вызревает в Мертоне. Его жизнь стала почвой, подготовленной к тому, чтобы собрать с нее урожай творчества и славы.

Романтика этих лет нашла свое отражение в его дневниковой повести «Знамение Ионы» («The Sign of Jonas») и особенно в ее последних страницах, озаглавленных «Пожарный дозор». Монахи монастыря по очереди несли службу в ночном пожарном дозоре. В их задачу входил обход территории и предупреждение возможного возникновения пожаров, в то время как остальные братья спали. 4 июля 1952 года Мертон в одиночестве шел по знакомому маршруту. В ночной тиши он размышлял о себе, своем призвании и о смысле жизни.

Стояла невыносимая жара. Из опустевшей кухни доносился аромат хлеба, около швейной мастерской пахло хлопком, возле прачечной стоял запах мокрого белья. Мертон не просто осматривал территорию, объектом внимания была его собственная душа. Он вспомнил свое самое первое Рождество в монастыре, и ему снова почудился запах подернутой морозом соломы. Всего лишь через две недели после прибытия в монастырь он встречал самое счастливое Рождество в своей жизни. У него ничего не осталось в этой жизни кроме Бога. Он вспомнил, какие мотивы привели его в монастырь, ему стало стыдно, и из глаз его потекли слезы. Его взгляд остановился на здании церкви, в котором он дрожащим голосом произносил обеты, навсегда связавшие его с братством.

Ночь была полна шорохов и различных непонятных звуков, которые раздавались то тут, то там, уносились прочь и затихали вдалеке. Наконец Мертон подошел к двери, ведущей из колокольни на крышу. Дверь распахнулась, и перед ним открылся безграничный черный океан ночного неба. Он подумал, что вот так, наверное, выглядит смерть. Он поднялся выше макушек деревьев, его путь лежал через сияющую черноту. Мертон почувствовал, что ночная мгла, пронизанная светом далеких звезд, сделала его сознание ясным и невозмутимым. Всем сердцем он молился о том, чтобы не нарушить эту величественную тишину

своими книгами и письмами, тем вниманием, которое он своей деятельностью привлек к монастырю, и просто своим недостойным присутствием в этом месте.

Эта тихая, хрупкая ночь зажгла свой свет в сердце мистика. Мертон вспомнил о том, что Бог слышит наши мольбы еще до того, как мы произносим их, милостиво прощает нас еще до того, как мы просим о прощении.

Заколыхалась листва, голубь начал свой беззвучный полет. На горизонте забрезжил рассвет. Наступило утро.

Период церковного служения (1948-1960 гг.)

Начало этого периода ознаменовалось выходом книги, которая в Америке вызвала настоящую бурю, раскаты которой и сегодня раздаются по всему миру.

«Семярусная гора» — это рассказ Мертона о своей жизни и о своей эпохе. Изданная в 1948 году, книга отразила в себе страстное желание мира и неизбывную тоску по настоящей вере, охватившие человечество по окончании самой варварской войны в истории. Перед читателями предстал молодой еще человек, немногим старше тридцати лет от роду, посвятивший всего себя возвышенным, благородным целям, вечным и непреходящим ценностям. Посреди разрушенных городов и растоптанных идеалов эта книга стала подлинным источником уверенности и силы.

Более чем десятилетие после этого Мертон писал книги по вопросам богословия и духовного развития. Аудитория, к которой он обращался, далеко вышла за пределы круга его братьев монахов. Теперь он стремился говорить со всем христианским миром и прежде всего с мирянами. Созданные в период затишья перед бурей реформ и перемен, которые будут вызваны к жизни II Ватиканским собором, книги Мертона сегодня многим кажутся сентиментальными, эксцентричными, страдающими ограниченностью суждений. Но и теперь в этих книгах ощущается напряжение, готовое выплеснуться наружу и разрушить те рамки и барьеры, в которые заключено повествование.

Совсем в иной тональности выдержана поэзия Мертона. Его стихи звучат подчас резко и непримиримо. В них можно услышать отголоски гнева и обнаружить множество фрагментов, допускающих неоднозначное толкование. Сборники стихов

Мертон выходили под следующими названиями: «Чужие острова» («The Strange Islands»), «Слезы слепых львов» («The Tears of the Blind Lions») и «Образы для Откровения» («Figures for an Apocalypse»).

Мертон обращается теперь ко всей Церкви, которая как бы стала его монастырем. Для миллионов читателей он — знаменитость и святой, монах и учитель.

К концу этого периода голос Мертона-католика приобретает поистине кафолическое, вселенское звучание. Он обращается также и к протестантам, и это в то время, когда сама возможность такого обращения вызывала большие сомнения. Границы, особенно те, которые существуют в области религии, для Мертона являются искусственным образованием. Он — монах-созерцатель, не ограничивающий свою деятельность официальными структурами Церкви. Развитие богословских взглядов Мертона находит свое отражение в его книгах: идеи, изложенные в его новых сочинениях, выходят далеко за рамки тех концепций, которых он придерживался в своих ранних книгах, таких, например, как «Истина превыше всего» («The Accent to Truth»). Как и все мистики, он верит своей интуиции и своим чувствам, которые подсказывают ему, что протестанты тоже являются неотъемлемой частью Церкви, его братьями и сестрами. Ведь и его родители были протестантами.

Окончание этого этапа жизни Мертона совпадает по времени с периодом решительных перемен в истории Католической церкви. В 1958 году завершилась многолетняя эпоха правления папы Пия XII, и после избрания нового папы — Иоанна XXIII — характер Церкви претерпел существенные изменения.

Лишь в монастыре Мертон в полной мере ощутил, что такое Церковь. Это ощущение вдохновляло его все последующие годы. Он принял католичество всего лишь за три года до поступления в Гефсиманское аббатство. Он был знаком с некоторыми католическими священниками и борцами за социальную справедливость, прочитал немало книг и даже вел курс литературы в Университете св. Бонавентуры. Но только пребывание в монастыре дало ему подлинное знание Церкви со всей ее историей, традициями и богословием. Только здесь он осознал то вселенское значение, которым обладает многовековая традиция католичества. Он пишет биографии святых и записывает хроники своего монастыря, ведет дневники и сочиняет стихи, создает молитвы и тексты для медитации.

Выход в свет его автобиографии повлек за собой появление многочисленных писем читателей к автору. Это стало новым фактором в жизни Мертона. Десятки тысяч католиков и представителей других христианских конфессий обращались к нему с вопросами и делились своими надеждами. Нужды и проблемы верующих, события их жизни, их отношения с окружающим миром — все это теперь оказывало свое влияние на формирование сознания Мертона.

Церковь, в самом широком смысле этого слова, не только подготовила Мертона к началу его глобальной деятельности, но и буквально призвала его на этот путь. Римский папа говорил тогда о знамениях нового времени, о необходимости осуществления *aggiornamento*^{*}, более глобальной перестройки Церкви, чем те реформы, которые были произведены в средние века и в период Контрреформации. Мертон внимлет призывам папы и немедленно приступает к активным действиям, более того, он даже сам встает во главе этого процесса. До сих пор он понимал единство и всеобщность Церкви как единообразие и соподчинение ее различных частей друг другу: в идеале мир должен был бы уподобиться цистерцианскому монастырю, или, по крайней мере, каждый из его обитателей должен был бы стать правоверным католиком. Теперь Мертон открыл для себя, что универсальность, всеобщность Церкви — это единство в многообразии и свободе. Это открытие ознаменовало для Мертона новую Пятидесятницу, торжество Пресвятой Троицы.

Период международной деятельности (1960-1968 гг.)

События последних лет жизни Мертона буквально завораживают наше внимание. Многие из того, что станет предметом обсуждения во время наших последующих бесед, так или иначе связано именно с этим периодом.

Прежде всего мы должны рассмотреть то, что, на первый взгляд, содержит в себе противоречие. Этот новый период настолько сильно отличается от всего, что происходило до этого, что Мертон впервые в жизни становится противоречивой фигурой. Руководители Церкви подвергали цензуре его сочинения, ему запрещали писать по вопросам мира и разоружения. До 1960 года сама проблема, как заставить замолчать монаха,

^{*} Обновление (ит.). — Прим. пер.

посвятившего свою жизнь созерцанию и молитвам, казалась нелепой. Просто невозможно было себе представить монаха-цистерцианца, пишущего книги и статьи по вопросам политики, социальной справедливости и ядерного разоружения. Еще более странным для большинства казалось убеждение Мертона в том, что католикам следует учиться духовной мудрости у представителей других мировых религий и у тех великих гуманистов, кто со всей искренностью и страстью стремился к подлинному просветлению и истинному знанию. Многим казалось, что Мертон радикально изменил свои взгляды, совершил своего рода предательство или, как минимум, впал в серьезные заблуждения.

Однако при внимательном рассмотрении мы видим, что все происходившее в эти годы имеет свои корни в прошлом. Мертон ушел в монастырь, получив образование в Англии, во Франции, на Бермудских островах и в Америке. Накануне Второй мировой войны он выступал за отказ от военной службы по религиозно-этическим убеждениям, помогал беднякам в Гарлеме и боролся против социальной несправедливости. Его лучшими друзьями были евреи и атеисты, среди его учителей были католики, чьи убеждения с трудом вписывались в рамки традиционного католичества. Часто это были женщины, такие как Кэтрин де Гук и Дороти Дэй, организовавшие бесплатные столовые для нуждающихся и считавшие любую войну проявлением зла. В своих поисках Бога Мертон опирался скорее на созерцание, чем на механическое повторение молитв. Эти поиски приводили его к несчастным и обездоленным людям и уводили прочь от богатых и знатных. Он искал Бога не только в литургии, но и в литературе, не только в канонических текстах, но и в поэзии, не только в официальном учении Церкви, но и в своем писательском творчестве.

В эти годы Мертон проявляется чрезвычайно разносторонне. Он пишет книги и статьи по индуизму и дзэн-буддизму, встречается с буддистами и раввинами, ведет переписку с атеистами и революционерами. В его книгах находят свое отражение проблемы войны и мира, расовой дискриминации и развития технологий, сосуществования капитализма и коммунизма. Он называет войну во Вьетнаме безнравственной и выступает против гонки ядерных вооружений. В его книгах находят свое отражение такие темы, как литературная критика и даже каллиграфия. Мертон становится фигурой мирового масштаба. Он —

известный католический монах, своего рода знаменитость в церковном мире. Но знают его прежде всего как человека, открывшего свой духовный путь перед миллионами и ставшего проводником на этом пути.

Жизненный путь Мертона оборвался в Таиланде. Эта была странная и одновременно очень символичная и поучительная во многих отношениях смерть. Это была смерть от несчастного случая, но при этом она не выглядит случайной: слишком уж много противоречий накопилось в его жизни.

Когда в 1941 году Томас Мертон был принят в братство, сама мысль о том, что монах-цистерцианец может предпринять паломническую поездку по Азиатскому континенту, находящемуся от его монастыря по другую сторону Земного шара, казалась невозможной. И еще в 1960 году, когда подходил к завершению тот этап в жизни Мертона, который мы условно называем периодом церковного служения, никто не мог предвидеть, что этот человек будет принимать участие в работе Ассамблеи буддийских и католических монахов. Он умер после того, как прочитал свою лекцию, посвященную таким, казалось бы, несовместимым явлениям, как марксизм и монашество. Вечером в результате короткого замыкания в электропроводке он получил смертельный удар током. Это произошло 10 декабря 1968 года, через двадцать семь лет после того, как в возрасте двадцати шести лет он впервые переступил порог своего монастыря. Его жизнь оборвалась на Дальнем Востоке, в Азии, там, где лучше всего на свете знают цену медитативному созерцанию, где солнце начинает свой путь над миром, где смерть становится символом нового рождения.

Мертон начал свой путь с познания самого себя. Монастырь, Церковь, католичество и, наконец, весь мир и все человечество — вот пример духовного пути, последовать по которому должен каждый из нас. Необходимо пройти каждый из этих этапов, и только после этого наш путь обретет целостность и завершенность.

Любить Бога значит чувствовать свою связь со всем сущим в этом мире. Мы должны стремиться к самопознанию и для этого приобщить себя к той духовной традиции, которая в наибольшей степени привлекает нас. Лишь тогда, когда христианское учение раскроется перед нами во всей своей целостности и многообразии, мы обретем истинное знание, свободное от ограничений, присущих каждому направлению в отдельности.

Завершая путь, мы должны принять этот мир весь целиком, не разделяя его на сакральную и светскую составляющие, возлюбить и искупить, познать и освятить его. В конечном итоге мы узнаем, что Бог обретает свое воплощение в наших человеческих сердцах, и поэтому каждый из нас может любить и быть любимым.

Вопросы для размышления

- В чем состоит та правда о себе, с которой вы готовы согласиться сейчас и которую вы отказывались признать раньше?
- Как общение с Церковью расширило ваше знание о жизни?
- Какие общечеловеческие ценности позволят вам найти общий язык с каждым?
- Где вы чувствуете себя дома? С кем?
- Как бы вы могли охарактеризовать сами себя? Что для вас является самым важным в жизни? Что лежит в основе вашей совести?

Заключительная молитва

Вспомните лица и имена тех людей, в обществе которых вы чувствуете себя дома. Подумайте о величии христианской традиции, о ее богослужении и таинствах, о тех мужчинах и женщинах, которые прославили ее и с которыми связаны наиболее значимые моменты в истории христианства. Это были славные страницы в истории не только Церкви, но и всего человечества. С самого рождения нас окружали люди, которые дарили нам свою любовь и учили нас, прощали нас и служили нам источником вдохновения. Сохраняя молчание, мы должны вспомнить о тех, кто благословил нас на этот путь, кто всегда находится рядом с нами, поскольку мы помним о них и чувствуем то влияние, которое они на нас оказали.

День четвертый

Пустыня одиночества

Единение в Духе

Женщина умирала. Она и я знали об этом. Я был тогда молодым священником, недавно получившим свое первое назначение. Больница, в которой я служил, была очень большая, что не всегда позволяло мне установить достаточно близкие отношения со своей паствой. Молодого священника всегда поражает, с каким доверием люди относятся к нему. Это доверие не оправдывается ни теми знаниями, которые у него есть, ни его опытом, ни жизненной мудростью, которой он пока не обладает. Иногда это доверие граничит с опрометчивым, наивным отношением. Такое доверие может помочь священнику научиться оправдывать возлагаемые на него надежды, соответствовать тем требованиям, которые к нему предъявляют окружающие. Это доверие направлено даже не на него самого, а на Церковь, которую он представляет. Люди верят не только самому священнику, но всем его предшественникам на этом поприще.

«Ребенок умер?» — спросила женщина. Я утвердительно кивнул, и она резко отвернулась к стене. Ее молодой муж ждал на другом этаже. Он еще ничего не знал. Я был должен рассказать ему все. Врачи изо всех сил старались сохранить ей жизнь. Я совершил молитву, и она посмотрела в мою сторону. В ее взгляде была невыразимая тоска по тому, что могло бы произойти, но чего уже никогда не будет, смирение перед тем, что должно будет случиться неизбежно. В ее взгляде я с изумлением прочитал благодарность. Она была благодарна за то, что я находился рядом с ней. Дело было, конечно, не во мне, она даже не знала моего имени. Это была благодарность за то, что ей не пришлось остаться в одиночестве, за то, что в моем лице перед ней предстало нечто большее, чем я сам.

Пока она была еще в сознании, мы вместе молились. «Господь — Пастырь мой» — в такой момент очень нелегко принять эти слова. Она сделала это. Не знаю, чего ей это стоило. «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла». Она успокоилась. «Потому что Ты со мной». Даже в таких невыносимых страданиях, даже в смертных муках? «И я пребуду в доме Господнем многие дни»*. Как я хочу, чтобы все произошло именно так. Она потеряла ребенка, семью, свою жизнь. Но Бог столь велик, что может возместить все эти утраты. Если бы не молитва, если бы, возможно, не мое присутствие, она могла бы умереть в отчаянии. Мне стоило становиться священником уже для того, чтобы помочь этой молодой женщине не умереть в отчаянии.

Рассказывают, что еврейские матери шли в газовые камеры, крепко прижимая к груди своих детей и шепотом повторяя слова: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться»**. Я готов поверить в это. Только смерть придает этим словам истинный смысл. Только безмерные страдания и таинство смерти заставляют нас уверовать в Бога. Мы испытываем отчаяние и ужас, но дело даже не в этом. Для того чтобы Бог стал реальностью, должна возникнуть огромная потребность в Боге. И человеческое сердце испытывает такую потребность. Творец творит тогда, когда у сотворенного не остается ничего, кроме потребности в существовании Творца.

Я отпустил ее руку. Она была безжизненна, в то время как все вокруг было полно жизни. Если бы у меня были силы вернуть ее! Но я был всего лишь священник. В этот момент я ощутил всю тяжесть призвания священника. Никогда, ни до, ни после этого, я не чувствовал себя таким несчастным. У этой женщины отняли все, что у нее было. И при всем своем желании я был не в силах сохранить ни малейшего осколка ее разбитой жизни.

Я спустился вниз и встретился с ее мужем. Я был уже не тот молодой священник. Мне казалось, что я не смогу пережить все это. Я чувствовал невыносимую усталость, как будто на меня разом обрушилась тяжесть всех несчастий и поражений, которые выпали на долю человечества со времени его появления на этом свете.

* Псалом 22. — *Прим. ред.*

** Там же. — *Прим. ред.*

Новости, которые я сообщил ему, поразили его в самое сердце. Он плакал у меня на руках. Разве мог я знать, что такое горе? Говорят, что священник должен многим пожертвовать в этой жизни. Но я в это больше не верю. Все это пустые притязания! Разве известно мне, что значит потерять ребенка, жену, семью, все сразу и безвозвратно, и услышать, как сообщает об этом совершенно посторонний человек, который ничего не может знать о той любви, которая объединяла их всех?

Я повторил ему слова, которые перед самой смертью слышала его жена: «Господь — мой Пастырь... Ты со мной... Не боюсь зла».

— Как она умерла?

— Она поверила этим словам и умерла спокойно.

Тема беседы

Мы многое узнали о жизни Томаса Мертона. Мы постарались найти основные факторы и важнейшие события, определявшие жизненный путь этого выдающегося человека. Как мы говорили в самом начале книги, в центре нашего внимания не столько биография Мертона, сколько его богатейший духовный мир.

Очень часто люди думают, что возвышенная духовность несовместима с нашей повседневной жизнью. Для многих духовность — это что-то далекое, экзотическое, искусственно придуманное. Считается, что Божья благодать может снизойти на нас лишь в том случае, если мы откажемся от нашего обычного образа жизни. К моменту своего ухода в монастырь Мертон, по всей видимости, придерживался именно такого мнения. Он сжег свои книги, прекратил работу над докторской диссертацией, принял решение никогда больше не писать, повернулся спиной к миру и был готов принять Гефсиманский монастырь, расположенный в штате Кентукки, в качестве единственной земной реальности, заслуживающей внимания.

Он пишет, что монастырь представляет собой центр вселенной и что само существование человечества обретает свой смысл только в контексте того, что происходит в монастыре. Это было болезненное, крайне ограниченное мировоззрение. Носители таких взглядов, как правило, отказываются принимать всерьез аргументы тех, кому подобное мировоззрение представляется

грубым, нелепым, бессмысленным или, по крайней мере, не имеющим особых преимуществ по сравнению с другими формами представлений о жизни.

Со временем взгляды Мертоня претерпели существенные изменения. Он стал называть свою «Семиярусную гору» близоруким сочинением, а позицию, с которой он выступал в этой книге, самонадеянной и фанатичной. Надо признать, что в этой книге действительно есть такие пассажи, которые невозможно читать без боли: Мертон огульно хулит протестантов, критикует последователей англиканской церкви, осуждает буддистов и отрицает значимость существования всего мирового сообщества.

Конечно, содержание книги этим не исчерпывается.

Каким бы спорным ни было содержание отдельных глав «Семиярусной горы», эта книга прежде всего учит читателя серьезному отношению к жизни и помогает ему обнаружить присутствие Бога во всех происходящих событиях. Дневники и автобиографические сочинения Мертоня показывают, что легковесное отношение к жизни является недопустимой ошибкой и что действительность представляет собой нечто большее, чем мы привыкли думать. Жизнь, понятая в таком свете, становится сакральной историей, достойной самого внимательного исследования и способной подарить нам удивительные открытия.

Мертону еще предстояло многое узнать о том, как соотносятся между собой духовность и повседневная жизнь человека. Мертон достаточно легко пришел к убеждению, что его жизнь наделена особым значением, однако в оценке ее он по-прежнему пользовался стандартными стереотипами, чуждыми ему самому. Никто не отрицает, что посторонние люди имеют полное право оценивать нас по своим критериям, но это всегда будет лишь оценка нашего поведения, внутренне самоопределение личности при этом никак не может быть затронуто. Окружающие вряд ли способны оценить то, как совершенные нами ошибки способствуют нашему духовному росту. При этом мы вполне допускаем, что религиозные сообщества имеют право оказывать свое влияние на наш внутренний мир, могут оказывать свое влияние на формирование наших убеждений, воздействовать на нашу совесть и просвещать нас в вопросах нравственности.

Итак, Мертону предстояло сделать еще один шаг вперед. На это ему потребовалось немало времени. Он, так же, как и

мы, должен был открыть для себя, что Бог пребывает в самой основе нашего существа, представляет собой сущность нашей жизни, которая именно поэтому становится священной и сакральной. Развитие нашей жизни есть откровение Бога в человеке. История нашего существования священна. Она остается священной даже тогда, когда мы поступаем неподобающим образом, даже тогда, когда наши убеждения и морально-нравственные качества не соответствуют тому, к чему нас призывают религия и духовные лидеры. Наше существование священо само по себе, жизненный путь каждого из нас имеет сакраментальное значение. Но это не является гарантией того, все наши действия и поступки достойны похвалы. Карл Ранер, — возможно, самый основательный католический богослов XX века, — призывает нас жить и любить Бога тем сердцем и тем умом, которые у нас есть в действительности, а не теми сердцем и умом, которыми мы должны были бы обладать в идеале.

В «Семенах созерцания» Мертон пишет, что не умеет молиться тот, кто никогда не отвлекается во время молитвы.

Мы часто думаем, что молитва должна представлять собой совершенный процесс, во время которого Бог требует от нас полной собранности и однонаправленности сознания. Такое убеждение связано с нашим стремлением довести все в своей жизни до совершенства. Но следует помнить, что наша жизнь священна даже тогда, когда наши действия не безупречны. Мать или ребенок, даже если они и не безгрешны, могут вызывать в нас благоговейные чувства. Восход солнца или картина, музыка или танец могут быть далеки до полного совершенства, тем не менее они способны поразить наше воображение и позволить нам ощутить присутствие божественного начала и абсолютной красоты.

Наша жизнь задумана как жизнь человеческая. Наша история даже тогда, когда она является сакральной, призвана быть человеческой историей. И наша молитва тогда совершенна, когда это человеческая молитва. Когда мы молимся от всего сердца, мы иногда отвлекаемся, у нас в душе борются различные желания и мотивы, но иначе не может и быть.

Джон Генри Ньюмен писал о демоне совершенства. Так много добрых дел не было сделано потому, что люди думали, что им не стоит за них приниматься до тех пор, пока они не смогут осуществить их наиболее совершенным образом. Мы требуем

от других, чтобы и они в свою очередь были совершенны. Мы порой отказываемся признать правильными, разумными и уж тем более выдающимися и достойными восхищения действия и поступки людей, вне всякого сомнения, незаурядных, но еще не исчерпавших потенциал своего совершенствования.

Такие идеалистические, утопические и даже, можно сказать, бесчеловечные ожидания способны нанести добру ничуть не меньше вреда, чем самые злые намерения. Если продолжать следовать таким путем, то мы начнем отказываться от веры до тех пор, пока не появятся совершенная Церковь и непогрешимое Писание.

За время моего пастырского служения меня больше всего беспокоило, когда во время исповеди прихожане признавались в том, что жизнь, которую они ведут, не соответствует их собственным представлениям о правильной жизни, что они не могут поверить в значимость и добрые качества своей собственной личности, в то, что Бог не простит им те многочисленные ошибки, которые они совершили. Знакомый многим страх перед Богом, смутное ощущение вины, испытываемое на протяжении всей жизни, ужас, который охватывает человека, когда он думает о том, что его будут судить другие люди и сам Бог, — все это происходит от того, что мы не осознаем всю значимость собственного бытия.

В Евангелии от Матфея есть поучительные строки о том, что Бог, совершая свой суд, удивит людей, когда откроет им, насколько правильно и хорошо они поступали в жизни. Но почему, когда мы думаем о предстоящем суде, мы вспоминаем лишь о наказании, которое понесут те, кто не достоин спасения? Разве суд Божий не может принести нам утешение? Почему мы думаем, что судить нас будут так сурово? Разве послание Иисуса не было Благой вестью?

Вступительная молитва

Пребывая в молчании, размышляйте о том, что вы сейчас прочитали. Даже если ваша молитва не совершенна и вам не удастся сохранять безупречное сосредоточение мыслей, повторяйте ее снова и снова. Когда вдохновение снизойдет на вас, откройте свое сердце перед Богом.

Беседа четвертая

Молитва — великое таинство. Она рождается в самых потаенных глубинах нашей души, и мы начинаем ощущать присутствие Бога, мы чувствуем, что можем обратиться к Нему, даже не произнеся ни единого слова, мы знаем, что Бог внимлет нашей молитве и отвечает нам.

Когда мы переживаем самые трудные моменты в жизни, или, наоборот, когда нас переполняет радость, или когда, вопреки всему, мир и покой снисходят на нас, молитва вдруг рождается у нас в сердце и непроизвольно срывается с наших уст.

Молитва — не иллюзия, не плод нашего воображения. Иисус молился. Мы знаем об этом. Он молится в горах и в полях, в великой радости, когда Его ученики возвращаются после проповеди, и в неистовом страхе, который охватывает Его в Гефсиманском саду. Он молится у моря Галилейского перед совершением чудес, во время Тайной вечери, когда Его слова обращаются в пищу, а хлеб и вино — в тело и кровь, и когда всем вокруг становится ясно, кто есть Он, а кто мы. Его молитва возвращает умерших к жизни, исцеляет несчастных и отчаявшихся, дарует свет невидящим и открывает мир звуков и человеческой речи для тех, кто был лишен всего этого, помогает тем, кто никак не может простить. Он молится, — и мы, забыв о своей хромоте, встаем на ноги и идем вперед по тому пути, найти который мы уже и не надеялись. Он молится, — и отступает мгла, кошмары рассеиваются, страхи покидают нас.

Он молится на кресте, когда мучения становятся невыносимыми и сама смерть уже воспринимается как милосердие. Он молится в Эммаусе перед тем, как преломить пасхальный хлеб, и на берегу озера, когда готовит пищу для Своих учеников, которые со всех ног мчатся к Нему, не осознавая, верят они или нет в то, что происходит у них на глазах.

Невозможно быть последователем Иисуса и не уметь молиться.

Франциск Ассизский молится среди тенистых холмов и при ярком свете солнца, на улицах городов и в деревнях, перед птицами и всеми божьими тварями. Святые молятся так же, как и грешники. Невозможно себе представить ни одного момента в истории человечества, когда не звучала бы молитва. И все же объяснение этого феномена для нас по-прежнему недоступно.

Мы возводим храмы для того, чтобы людям было где молиться, и даже посреди лесной глуши мы строим часовни. Люди молятся о том, чтобы найти работу, собрать со своих полей урожай, сдать экзамен, или о том, чтобы диагноз болезни оказался благоприятным. Родители молятся у кровати своих детей, молятся, когда их сыновья женятся, а дочери рожают. Произносят молитву у могилы своих предков, молятся, когда наступают последние мгновения их собственной жизни.

В каждый момент времени в любой части нашей планеты теплится молитва. Если порой мы чувствуем благословение и не можем определить, откуда оно на нас снизошло, ощущаем присутствие благодати, но не знаем причины ее благотворного воздействия, то мы можем быть уверены, что все это происходит не просто так. Наша планета стала храмом, молитвенным хором, святилищем, монастырем, в котором люди находят прибежище для своих безмолвных размышлений и уединенных молитв.

Если молитва вдруг окажется под запретом, если, что еще хуже, настанут времена, когда люди утратят веру в могущество молитвы и начнут полагаться исключительно на собственные силы, то это будет великая потеря для всего человечества, и мы все почувствуем, как сама жизнь станет постепенно уходить от нас.

Когда я говорю людям, что буду за них молиться, даже атеисты испытывают волнение и благодарность. Когда я читаю псалмы перед ложем умирающих, они чувствуют утешение, хотя и знают, что приближение смерти остановить уже невозможно. Когда, обращаясь к представителями других конфессий, я обещаю вспомнить о них во время евхаристической литургии, они видят во мне своего друга и брата. Бессчетное количество раз я слышал просьбу: «Помолитесь за меня». Иногда эта просьба высказывалась как бы между прочим, иногда, наоборот, она сопровождалась такой бурей эмоций, что люди отводили глаза, брали меня за руку или плакали у меня на руках.

Я тоже не раз просил помолиться за меня и всегда чувствовал благословение, когда получал согласие. Я обращался с этой просьбой к маленьким детям, лишь недавно научившимся говорить, и к пожилым людям, уже с трудом выговаривающим слова. Я просил помолиться за меня раввинов и свами, буддийских монахов и исламских суфиев.

Иногда во время молитвы люди бывают излишне многословны, иногда откровенно лицемерны. Бывает, что молитву

используют для того, чтобы выманить у кого-нибудь деньги, или для того, чтобы командовать окружающими. Порой молитва представляет собой не более чем упражнение в суеверии, иногда к ней прибегают для того, чтобы избежать ответственности. С помощью молитвы можно держать в страхе угнетенных и оправдывать узурпаторов, тиранов и инквизиторов. Но это уже не молитва, это всего лишь маска, которую надевают для того, чтобы скрыть от белого света свои черные намерения.

Мертон много молился. Он стремился найти объяснение молитве, но приблизился к разрешению этой тайны не больше, чем кто-либо другой. Тем не менее он оставил нам по этому поводу целый ряд своих открытий и ценных советов. Особую ясность в понимание данного предмета вносят шесть принципов, сформулированных Мертоном, благодаря которым и я смог по-новому взглянуть на молитву. Молитва рождается из нашей веры и из тех представлений о жизни, которые у нас имеются. Некоторые из принципов Мертона представляют собой попытку выразить то восприятие мира, которое сложилось у этого человека.

Первый принцип звучит так: быть святым значит просто быть самим собой. Эта мысль, которая рождает свободу.

Призыв Мертона быть самим собой будут отвергать в первую очередь те люди, которые не верят в себя, втайне ненавидят свою личность и свои поступки. С их точки зрения, стремление быть самим собой неизбежно ведет к нарциссизму. Мой жизненный опыт свидетельствует об обратном: как раз те, кто всецело поглощен своими личными заботами и интересами, чаще всего испытывают разочарование и в себе, и в жизни.

Как бы там ни было, Мертон сводит духовность к одной простой формуле: стань тем, кто ты есть, кем тебе суждено быть. Во время нашей предыдущей беседы мы исследовали это утверждение. Теперь мы видим, что оно является своего рода прелюдией к молитве. Этот принцип позволяет нам связать воедино историю жизни Мертона и его богословие, его духовный опыт.

Второй принцип сродни первому. Мертон полагает, что излишние усилия и чрезмерное напряжение препятствуют духовному росту.

Выспренняя молитва и надуманные системы духовного развития подобны натянутой, притворной беседе, которая всем в тягость и не несет в себе никакого общения. Такие действия всегда будут неуклюжими и безрезультатными. Полноценный

диалог возникает лишь тогда, когда мы забываем о себе и всецело отдаемся радости общения. По-английски общение и обращение представляют собой однокоренные слова*. Один из лучших дневников Мертон озаглавлен «Обет общения» («A Vow of Conversation»). В этих словах заключена вся его духовная жизнь.

Самоограничение, дисциплина, самопожертвование должны представлять собой непосредственные акты доброй воли. Все эти действия являются неизбежными спутниками сознательного, серьезного отношения к жизни, только они позволяют нам полностью осуществить свое призвание и до конца выполнить свой долг. Однако Мертон замечает, что аскетизм подчас носит искусственный, театральный характер и является всего лишь изощренным способом привлечения внимания к собственной персоне. Чрезмерные усилия, направленные по отношению к самому себе, нередко приводят к тому, что вместо поисков Бога мы начинаем заниматься обожествлением собственной личности, а вместо того, чтобы спокойно осознать значимость своего существования, мы поклоняемся собственной божественности. Суровые наказания, которым мы подвергаем сами себя, ведут к тому, что перед нами предстает не лик Божий, а наше собственное отражение в зеркале.

Третий принцип состоит в том, что мы должны осознать собственную уязвимость. Лишь тогда любовь является по-настоящему сильной, когда она лишена опасений по поводу собственной полноценности и значимости, когда она не омрачена страхами по поводу своей зависимости от окружающих и когда она свободна от стремления сохранить эту зависимость. Уязвимость — это всего лишь другое название для того, что мы называем воплощением и что является важнейшей составляющей нашей человеческой сущности. Отрицание нашей уязвимости или попытка замаскировать ее являются выражением стремления скрыть то, что лежит в основе каждого человеческого существа. Признание нашей уязвимости не является банальным проявлением жалости по отношению к самому себе или лицемерным выставлением напоказ собственной ранимости. Соглашаясь с тем, что мы уязвимы, мы тем самым выражаем готовность принять на себя страдания в тех случаях, когда это будет

* *Conversation* — разговор, беседа, общение, *conversion* — обращение (англ.). — Прим. пер.

необходимо для достижения конкретных целей, для того, чтобы реализовать себя в этой жизни. Уязвимость — это та цена, которую человечество платит за свое существование.

Четвертый принцип требует от нас принять как данность то положение, которое мы занимаем в этом мире. Я снова должен обратить внимание на то, что все эти принципы требуют правильного толкования. Понятые надлежащим образом, они ведут к освобождению, в противном случае их воздействие может быть разрушительным. Мертон вовсе не настаивает на том, что нам следует проявлять пассивность и безропотно покоряться тем обстоятельствам, в которых мы оказываемся. Но, даже совершая необходимые перемены, мы должны оставаться самими собой.

Будучи монахом бенедиктинской традиции, Мертон знал, что такое постоянство, и умел ценить его. Будучи американцем, он знал, что такое чрезмерная мобильность, обманчивое стремление к активной деятельности, погоня за миражами перемен, страсть ко всему новому, за которой скрывается не что иное, как попытка убежать от самого себя. Слишком много работы и слишком многообразная деятельность, слишком много успехов и непрерывная погоня за новыми достижениями — все это не более чем попытка оправдать тот образ жизни, доверие к которому у нас уже подорвано. Мы создаем себе фальшивое «я» и предлагаем окружающим обратить внимание в первую очередь на наш имидж, на те декорации, которые мы выстроили, и уже затем на нас самих, на то, кем мы являемся на самом деле.

Мертон настаивает на том, что нам следует расти и развиваться там, где мы в данный момент находимся. Любое другое место может оказаться для нас менее благоприятным или даже худшим, чем нынешнее. В конце концов, мы должны где-то остановиться и признать, что возможности рода человеческого не безграничны. Было бы непростительной ошибкой полагать, что все на свете достижимо и что можно без потерь прожить свою жизнь. Позитивное мышление утрачивает свою силу в том случае, если оно начинает существовать в отрыве от мышления как такового.

Согласно пятому принципу, человеческие чувства и эмоции должны служить подспорьем в нашей духовной практике. Насилие, к примеру, является обычным проявлением человеческих чувств, но оно свидетельствует о нашей духовной незрелости. Иногда с помощью насилия мы пытаемся подавить те или иные

эмоции, возникающие у нас или у окружающих. Однако бороться с нежелательными эмоциями можно и по-другому, например, путем расширения своего кругозора. Возможно, последующее объяснение наполнит данный тезис более конкретным содержанием.

По мнению Мертона, для того, чтобы подавить похоть, зависть или гнев, совсем не обязательно прибегать к насилию над собой. Для победы над ними надо сделать свою жизнь более богатой в эмоциональном плане. Посещение оперы или музея, прогулка в лесу или прослушивание симфонической музыки скорее, чем суровый аскетизм, неистовая молитвенная практика и самобичевание, будут способствовать тому, что мы преодолеем в себе разрушительные тенденции и откажемся от аморального поведения. Мертон убежден в том, что греховные побуждения являются результатом ограниченного видения жизни. Эмоциональное обогащение жизни для него предпочтительнее, чем самоистязание. Потребность наказывать самого себя очень быстро переходит в потребность наказывать окружающих.

Согласно шестому принципу, нам следует отказаться от стремления подчинить свою жизнь жесткому распорядку и строгим правилам. Те, кто занимаются религиозными практиками и духовными поисками, часто проявляют подобные наклонности. Жесткость отнюдь не является признаком жизни. Мертон говорит, что когда обувь нам впору, мы не замечаем своих ног. Но когда обувь жесткая, да и к тому же если она нам мала, наши ноги начинают требовать к себе постоянного внимания и заботы.

Для того чтобы жить духовной жизнью, необходимо научиться быть свободным, вверять себя ритму вселенной, космическому танцу, божественной мистерии, в которой благодать нарастает по мере того, как на ее пути возникают все новые преграды. Духовная жизнь — это мозаика и мелодия, это достижение, которое позволяет нам обрести единство с самими собой и всеми остальными людьми. Она столь же естественна, как прекрасная песня, столь же животворна и свободна от напряжения, как биение наших сердец.

Шесть принципов Мертона направлены на то, чтобы сделать духовную жизнь простой и доступной для каждого. Отличительным признаком истины является простота, а всему искусственному свойственна сложность. Для многих такие понятия, как

молитва и духовная жизнь, выглядят слишком замысловатыми, надуманными, находящимися за пределами понимания. Мертон поставил перед собой задачу привести созерцание в жизнь рядового человека, открыть для нас мистический потенциал наших сердец.

Для Иисуса не составляло труда быть самим собой. Он никогда не прибегал к запутанным и туманным объяснениям, вместо этого Он рассказывал истории и притчи, понятные каждому. Иисус не стремился сделать духовную жизнь уделом немногих избранных: жизнь в духе не должна быть всецело подчинена религиозной догме, навечно закрепощающей человека.

Для того чтобы выполнить свою задачу, Мертон разработал целый ряд принципов, с некоторыми из них мы только что познакомились. Тем, кто чувствует в себе призвание к духовной жизни, но кого отпугивают те требования, которые она может предъявлять к человеку, наставления Мертона могут оказать большую помощь. Мертон пишет, что монах, посвятивший свою жизнь созерцанию, оправдывает свое существование тем, что он делится с окружающими своими открытиями, не всегда доступными людям, ведущим обычный образ жизни. Мертон говорит, что монах, который не делает этого, неоправданно пользуется всеми привилегиями своей безопасной и спокойной жизни и при этом всячески пестует собственное эго и рискует впасть в идиосинкразию.

Мертон показал, каким образом духовная жизнь может быть вписана в контекст обычной жизни. Духовные практики совсем не обязательно должны препятствовать нашим мирским занятиям и выполнению повседневных обязанностей. Наставления Мертона просты и понятны: будь самим собой; позволь аскетизму возникнуть на почве привычного для тебя образа жизни; не стремись быть уязвимым, но и не бойся своей уязвимости; где бы ты ни находился, сохраняй спокойствие и миролюбие; обогащай свою жизнь новыми эмоциями; не пытайся подчинить жизнь строгим законам и правилам. Из этих принципов вытекает целый ряд практических рекомендаций по поводу того, как нужно молиться.

Как мы уже знаем, Мертон не считал, что отвлечение внимания может серьезно помешать процессу молитвы. Более того, он утверждал, что неестественно и даже просто невозможно молиться, ни на что не отвлекаясь. Когда человеческий разум занят исключительно одной-единственной мыслью, а в нашей

душе живет всего лишь одно чувство, жизнь не только упрощается, но и низводится до уровня животного существования. Молитва имеет свою структуру, а молитвенная практика подчиняется определенной системе или распорядку. Точно так же известная доля порядка должна присутствовать и во всей нашей жизни. Но молитва должна всегда оставаться личной. Ее структура и частота повторения, продолжительность и конкретная форма должны определяться исключительно личными качествами человека и его образом жизни. Мирянам нет необходимости придерживаться тех молитвенных практик, которые приняты у монахов.

В любом случае молитва — это всего лишь средство. Христианам следует прежде всего думать о Боге, а не о молитве. Тот, кто любит Бога, научится и молиться. Иисус в Своих проповедях говорил в первую очередь о Боге и совсем немного времени уделял тому, чтобы научить людей молитве. Если мы правильно понимаем свое отношение к Богу, то мы всегда найдем нужные слова для того, чтобы обратиться к Нему. И мы произнесем их в той форме, которая будет для нас естественна и удобна. Несомненно, общению необходимо учиться, и это касается даже наших отношений с теми, кого мы любим. Но овладение техникой общения еще не гарантирует установление по-настоящему добрых отношений.

По утверждению Мертона, возникновение единообразных форм молитвенной практики относится к XV—XVI векам. Богословы и авторы духовной литературы попали под влияние методологии, принятой в науке и в лабораторных исследованиях. Они тоже стали искать общие законы, в равной степени приложимые к самым различным предметам и обстоятельствам. Определенные формы молитвы были признаны правильными, другие отброшены как недостаточно эффективные.

Молитва — не наука, а поэзия, утверждает Мертон. Поэта не интересуют общие понятия (например, «все соловьи»), для него важнее данная непосредственно, конкретная сущность («этот соловей»). Молитва ближе к детскому восторгу перед какой-то вещью, индивидуализированному проявлению реальности, чем к характерному для взрослого человека стремлению подчинить все общим правилам. Оба этих способа познания действительности необходимы нам в жизни, но когда речь идет о молитве, восприятие, свойственное поэту и ребенку, имеет неоспоримые преимущества.

Молитва рождается тогда, когда мы полагаемся на свои чувства и эмоции. Как и любое общение, молитва представляет собой не столько познавательный процесс, сколько интуитивное переживание. В молитве больше лирики, чем логики. Она возникает из нашего подсознания.

Помните: в первом из принципов, сформулированных Мертоном, содержится утверждение о том, что обрести святость означает стать самим собой. Попробуем использовать этот принцип во время молитвы. Если мы тратим свою духовную энергию на то, чтобы стать кем-то иным, отличным от себя, молитва для нас становится скучным и утомительным занятием. Тот, кто не обрел свое истинное «я», молится обычно неискренне, его молитва носит обезличенный характер.

Мертон говорил о том, что узость наших взглядов на мир заставляет нас проявлять насилие по отношению к себе самим. Жесткая организация жизни разрушает естественность и лишает нас радости. Все это неизбежно сказывается на том, как мы молимся. Постоянно пребывая в состоянии боевой готовности, мы начинаем наказывать и себя, и окружающих. Мы можем непрестанно молиться, но поскольку это будет неискренняя молитва, мы будем постепенно становиться суровыми, злыми, поверхностными и жестокими. Мы все встречались с подобными людьми. Некоторые из них считают себя святыми, но те, кто хорошо с ними знаком, придерживаются противоположного мнения.

Мертон пишет, что невозможно использовать молитву для того, чтобы возвысить себя над окружающими и управлять их поведением. Я с трудом себе представляю, как могли христиане молиться за успехи крестовых походов или произносить молитвы на суде инквизиции, при этом подвергая пыткам еретиков и сжигая их на кострах.

Молитва, когда мы полностью погружены в нее, приносит радость. Она позволяет взрослому посмотреть на окружающий мир глазами ребенка, а пожилому человеку сохранить в себе свойственное юности поэтическое мировосприятие. Молитва помогает нам сохранять разум и не поддаваться заблуждениям, преодолевать в себе мелочность и гнев, избегать иллюзий и не попадать во власть жажды мести.

Тот, кто верит, не может не уметь молиться. У квакеров есть такой гимн: «Как я могу не петь?». Молитва, если мы правильно понимаем, что это такое, является песней жизни.

Вопросы для размышления

- Как вас учили молиться?
- Когда и при каких обстоятельствах вы произносили свои самые лучшие молитвы?
- Насколько соответствовали произносимые вами в эти счастливые моменты жизни молитвы тем классическим образцам, которым вас в свое время обучили?
- Каким образом нужно обучать детей молитве?
- Придерживаетесь ли вы в своей молитвенной практике какой-либо определенной структуры? Что это за структура?
- В какой области вы наиболее остро ощущаете собственную уязвимость? Помогает ли вам это чувство уязвимости во время молитвы?
- Согласны ли вы с тем, что ваша жизнь обрела бы больше смысла, если бы вам удалось более рационально организовать ее?
- Нет ли у вас ощущения того, что к молитве вы относитесь с большей серьезностью, чем к самому Богу?

Заключительная молитва

Наступило время применить на практике некоторые из наших теоретических рассуждений.

Давайте начнем с размышления о том, кем является для вас Бог. Будьте великодушны и искренни перед самими собой. Давайте предположим, что Церкви более не существует. Представьте, что, решая вопрос о Боге и о своем отношении к Нему, вы предоставлены самим себе.

Вообразите, что у вас нет ни друзей, ни семьи, ни круга обязанностей. Вам нужно ответить на вопрос о том, кто вы на самом деле и что вы хотите от жизни.

Размышляя подобным образом, вы в конце концов придете к следующему заключению. Определив для себя сущность Бога и человека, вы станете искать Церковь и единомышленников. Однако на сей раз вы сможете предложить им нечто большее, чем раньше.

А теперь обратимся к молитве:

Милосердный Господь, надели нас благодатью молитвы
не для того, чтобы мы смогли лучше молиться,
но для того, чтобы мы научились больше любить.

Подари нам молитву, которая освободит нас,
чтобы обрести Тебя в волнении и покое,
чтобы объять других людей радостью
и величием нашей души.

Ты научил нас говорить, Ты дал нам Твое слово,
Ты слышал наше молчание.

Теперь научи нас молиться так,
чтобы речь наша была искренней,
а молчание наполняла песня любви.

День пятый

Обретенная земля

Единение в Духе

Если я назову имя моего героя, оно, возможно, окажется вам знакомым.

Но для истории, которую я хочу рассказать, имена не имеют принципиального значения. Ибо моя история, подобно всем хорошим историям, станет и вашей собственной, как только вы услышите и примете с открытым сердцем ее смысл.

Даже если имя нашего героя и не названо, некоторые детали его биографии заслуживают пристального внимания. Они могут быть полезны отчасти потому, что история эта правдива как с фактической, так и с мифической точек зрения. Другой причиной является то, что эти детали указывают на определенный контекст и дают своего рода объяснение.

Карьера привела нашего героя в Вашингтон. Это была успешная карьера. Я познакомился с ним, когда все уже было позади. Для нас весьма существенно знать, почему закончилось его продвижение по службе. Когда-то наш герой был чрезвычайно яркой личностью и подавал большие надежды. Достаточно сказать, что он работал советником Генри Киссинджера в Государственном департаменте. Я просил бы вас, мои читатели, воздержаться здесь от субъективных оценок и политических предпочтений, которые могут помешать увидеть в этих фактах элементы успешного восхождения по служебной лестнице. В целом, все вышесказанное заслуживает внимания. И мы об этом знаем.

В какой-то момент нашего героя начали обуревать сомнения. Они не были связаны ни с недостатком уверенности в собственных силах, ни с перспективами дальнейшего служебного роста. Кто может знать, где бы закончилось его восхождение?

Не испытал он и разочарования, вызванного провалом того или иного его начинания. Присущий нашему герою дух состязательности помогал ему преодолевать все преграды. Талант его был в этом неистощим.

Так в чем заключалась причина сомнений?

Сомнения эти были вызваны размышлениями о цене затраченных им усилий и моральной стороне его продвижения по службе.

Наша задача состоит здесь не в том, чтобы разоблачать и осуждать темные стороны деятельности столичных властей, Государственного департамента и государственного секретаря. Наше повествование не есть обвинительный акт. Тем не менее оно должно навести нас на мысли об истинной цене наших устремлений и о тех нравственных компромиссах, на которые мы вынуждены идти на протяжении всей своей жизни. Честные люди не боятся ставить подобные вопросы, равно как и не страшатся их последствия.

В любом случае следует признать своего рода героизмом поступок человека, который, сознавая собственную одаренность во многих областях, смог усомниться, что нравственная сфера относится к числу его сильных сторон. Все мы убеждены в том, что благодать нисходит на тех, кто не просит и не ожидает ее.

Наш герой ушел в отставку. Те, кто не достиг подобных высот, склонны преуменьшать значение его поступка. Каждый взбирающийся по служебной лестнице знает, что самое тяжелое испытание — быть уволенным на пике карьеры, когда есть еще силы продолжать свое дело. Причиняет мучения даже мысль о возможности подобного развития событий. Особенно тяжело воспринимается уход, причиной которого послужила не собственная неспособность, но неблагоприятные обстоятельства. В любом случае лучи славы не озаряют более такого человека. После завершения блистательной карьеры нелегко привыкнуть к обыденности нашей жизни. Но всему приходит свой конец. И друг мой вынужден был полностью принять этот факт. В его уходе было одно чрезвычайно неприятное обстоятельство. Отставка сопровождалась желчными высказываниями, обвинениями в предательстве. Когда от нашего героя потребовали объяснений, то они, вопреки намерениям оратора, прозвучали как разоблачения.

Теперь вам известны многие детали. В дальнейшем вы увидите, какое они имели значение.

Вскоре после отставки мой друг был приглашен в Управление налогов и сборов для полной аудиторской проверки. Возможно, это было просто совпадением. Но кто в том может поучиться? По всему было видно, что аудитор вела проверку, имея на руках заранее подготовленные материалы. Приходилось нелегко. Налоговое законодательство столь запутано, что ответы сотрудников налогового ведомства, даваемые в разное время на один и тот же вопрос, порой отличаются крайней противоречивостью. Так что если аудитор вознамерится найти какое-либо нарушение, то может привести в трепет многих налогоплательщиков.

Мой друг был честным, умным, аккуратным человеком. Как я уже отмечал, он был разносторонне одаренной личностью. Однако составление финансовых отчетов, налоговых деклараций и их регистрация не относились к сфере его талантов.

И он проиграл. Мой друг не был богат. Он тяжело переживал поражение не только из-за финансовых потерь, но и потому, что затеянная с ним игра была бесчестной, пристрастной, изменнической, затеянной с целью наказать его. Обычная гражданская проверка превратилась в настоящую финансовую травлю.

Материальное благополучие моего друга было подорвано. Выйдя из налоговой инспекции, он ощутил в себе злобу. Он был оскорблен всем увиденным и услышанным. Узнай он в тот момент, что с его аудитором случилось несчастье, он не почувствовал бы жалости. Напротив, он испытал бы удовлетворение.

На улице мой друг пришел в себя. Он понял, сколь разрушительны его эмоции, и все же ничего не мог с собой поделать.

Авраам Линкольн говорил о добрых ангелах, живущих в наших сердцах. Другие называют этот феномен изначальной природой, благодатью, Провидением или разумом. Нам важен не источник, а само ощущение, которое, возникнув так неожиданно, совершенно преобразило нашего героя. Он почувствовал отвращение к происходящему. Он ощутил уродливость охватившего его неистовства, той дьявольской силы, которая лишила его последних признаков человечности. Он вступил в диалог с самим собой, с высокой и низкой частями собственной натуры. Как мог он, противник насилия, совсем недавно осуждавший безнравственные решения своих коллег и руководства, за столь короткий срок превратиться из существа сострадающего в человека, охваченного безудержной яростью? Внезапно мой друг заметил, что он, увлекшись собственными размышлениями,

остановился посреди улицы. Трудно было сказать, сколько времени он пребывал в подобном положении. Мой друг оглянулся вокруг, желая узнать, не привлек ли он внимания других прохожих. Он увидел, что стоит перед цветочным магазином. Вдруг ему в голову пришла мысль, которая, подобно блеску молнии, озарила все его сознание. Он зашел в магазин и потратил значительную сумму денег на покупку цветов, самых красивых из тех, которые он когда-либо видел.

Затем он снова направился в Управление налогов и сборов. К счастью, женщина, проводившая у него аудиторскую проверку, была на своем рабочем месте. Она не видела, как он вошел. Мой друг подошел к ее столу.

— Я принес вам цветы, — сказал он.

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь? — спросила она.

— Мне сейчас необходимо совершить какой-нибудь благородный поступок. Это часть исповедуемой мною религии, — ответил мой друг.

— Уж не предлагаете ли вы мне взятку, чтобы я пересмотрела ваше дело? — спросила она.

— Нет, я удовлетворен результатами проверки. Я не хочу, чтобы они были пересмотрены. Не хочу больше стрессов, — сказал он.

— Желаете пригласить меня куда-нибудь после работы? — спросила она.

— Нет, я женатый человек. Я счастлив в браке. Я объясню моей жене причину, побудившую меня подарить вам эти цветы. Скорее всего, мы с вами больше никогда не увидимся, — ответил он.

Цветы, необычное поведение клиента, его странная беседа с аудитором — все это привлекло внимание присутствующих.

К столику аудитора подошел ее начальник.

— Тогда зачем эти цветы? — продолжала задавать вопросы аудитор.

— Должно быть, трудно изо дня в день находиться во враждебных отношениях с разными людьми. Когда я работал в Государственном департаменте, мне иногда приходилось испытывать это. У нас с вами был долгий неприятный разговор. Эти цветы я дарю одновременно и вам, и себе. Примите их, пожалуйста, — отвечал мой друг.

— Я в чем-то не права? — обратилась женщина к своему руководителю.

— Нет-нет, если только он не добивается пересмотра результатов проверки, — отвечал он и, обернувшись к моему другу, спросил: — Почему вы так поступаете?

— На днях я ушел с работы. Мне не нравилось, как люди обращаются друг с другом. Я покинул ваше учреждение в состоянии крайнего раздражения. Но я не мог допустить, чтобы злоба поглотила все мое существо. Это трудно объяснить. Но именно так я должен был поступить. Могу я преподнести цветы этой женщине? Скорее всего, я никогда больше не увижу ее.

Последовало непродолжительное молчание. Затем, получив согласие, мой друг вручил букет и ушел.

Рассказывая об этом эпизоде, он говорил мне, что деньги, потраченные на покупку цветов, были одним из самых выгодных вложений в его собственную жизнь. В одно мгновение он освободился от ярости и гнева, которые могли терзать его неделями. Его злоба была бы бессильна. Все равно результаты проверки не были бы пересмотрены. Кроме того, подобный поступок мог кое-что изменить и в личности самого аудитора. Мой друг явил сотрудникам налогового управления образец человечности в ее лучшей форме. Подобный пример приносит свои плоды.

В наши дни многие считают отказ от насилия непродуктивным. Есть и такие, кто, прочитав наш рассказ, скажут, что, находясь в раздражении, они неспособны к добру. В подобной ситуации нелегко найти лучший путь. Но надеюсь, что полезный опыт приобрели не только непосредственные участники рассказанной здесь истории, но и многие другие люди, среди которых, как я думаю, будут и читатели этой книги. Редко случается, чтобы сравнительно небольшая сумма денег (значительная на тот момент, но ничтожная в долгосрочной перспективе) была потрачена с такой пользой.

Тема беседы

Мы готовы последовать за Томасом Мертоном в так называемую обретенную землю. Там царят миролюбие и миротворчество, там нет конфликтов и насилия.

Мы проследили историю жизни Мертона. Три наших первых беседы были посвящены рассмотрению его биографии, ценностных ориентаций и полученных им жизненных уроков. Мы были спутниками Мертона, начиная с его первых шагов. Мы шли рядом с ним по долине отчаяния, переживали крушение всех его устремлений, встречали лицом к лицу смерть. И вот, когда в нашем герое почти иссякли жизненные силы, город на холме даровал ему новую надежду. Под городом я разумею Гефсиманское аббатство. Там Томас Мертон обрел свой дом и возвратился к жизни. Там он получил прибежище и освободился от невыносимого бремени пути, перестал взирать на мир как на жестокую пустыню.

Жизнь Томаса Мертона можно рассказывать как притчу. Подобно всем притчам, она содержит в себе духовный урок. История Мертона принадлежит не только ему самому, но и всем нам.

В четвертой беседе нас интересовали печатные труды Томаса Мертона. Мы начали с молитвы, ибо это именно та сфера, в которой открываются духовные перспективы нашего жизненного пути. Настоящая беседа будет посвящена обсуждению вопросов построения мира, в котором не будет места насилию. Важной проблемой, правда, не объемлющей весь мир, но от этого не менее насущной, является вопрос о том, как прожить свою жизнь так, чтобы не причинять вреда ни себе, ни окружающим.

Необходимо отметить, что отказ от насилия стал неотъемлемой составляющей жизненного пути самого Мертона. Такой подход самым тесным образом связан с практикой молитвы. Только размышляя о событиях собственной жизни, мы можем положить конец насилию. По мнению Мертона, отказ от насилия не есть стратегия, способ действий или вопрос выбора. Отказ от насилия — это и есть жизнь. Но жизнь в несколько иной тональности. Важным подспорьем в обретении такого взгляда на вещи могут стать молитва и проистекающее из нее убеждение, что рано или поздно справедливость восторжествует. Молитва вселяет уверенность в существовании в духовной сфере закона божественной компенсации, в соответствие с которым все потери будут возмещены, а истина восстановлена.

В последней беседе этого цикла мы увидим, что значение, придаваемое нами молитве, непосредственно связано с тем видением жизни, которое направляет нас на нашем пути.

Благотворная сила молитвы способствует утверждению нас в принципах ненасилия. Мартин Лютер Кинг однажды сказал, что тот, кто не верит в финальное торжество справедливости, должен оставить ряды борцов за гражданские права, так как его пессимизм принесет с собой насилие.

По моему мнению, отказ от насилия есть главный принцип современной духовной жизни, пробный камень и истинное мерило ее подлинности и глубины. Наша задача видится не только в том, чтобы ознакомить читателей с воззрениями Томаса Мертона, но и помочь им сформировать собственную позицию по данному вопросу.

Вступительная молитва

В основе мировых религий лежит идея сострадания ко всему творению и к человеку. Ни одна религия не отвергает примирения и не провозглашает враждебность добродетелью. Стремление к утверждению мира на земле — вот движущий принцип религии. Мирное сосуществование есть также величайшая мечта всего человечества. Большинство родителей хотят, чтобы их дети росли в мире без насилия.

Подумайте о том, почему мы так страстно стремимся к мирной жизни. Не потому ли, что в насилии есть нечто отвратительное?

Какой отклик нашла в вашей душе рассказанная в начале этой беседы история? Если вы были растроганы и ощутили воодушевление, не послужило ли причиной тому сознание, что поведение нашего героя следует признать одним из лучших проявлений человеческой природы?

Не потому ли Иисус победил, что, даже умирая, отказался от насилия? Мог ли вдохновляться мыслью о мести Франциск Ассизский, жизнь которого стала источником вдохновения для многих будущих поколений? Разве могли бы так глубоко взволновать нас личности Терезы Авильской и Терезы из Лизьё, если бы они в свое время не выступили как ярые противницы насилия? Говоря с уважением о наших родителях, разве не постараемся мы умолчать о тех эпизодах, когда они были не на высоте?

Неужели мы не предпочтем рассказать в первую очередь о проявленных ими некогда кротости и доброте?

Теперь обратимся к молитве.

Господи милосердный,

Тебя называют любовью, как она есть.

В Писании сказано о любви,

с которой Ты создал вселенную.

Любовь эту Ты подтвердил на кресте.

Благослови нас, чтобы мы смогли научиться

Твоей любви

и принести ее туда, где она пока встречает отторжение.

Аминь.

Беседа пятая

Ранее мы уже высказывали предположение о том, что в числе причин, побудивших Томаса Мертона принять принципы ненасилия, возможно, были убеждения его матери и образ жизни его отца. Мертон довольно быстро усвоил эти взгляды. Среди причин было также его восхищение Махатмой Ганди: во время обучения в средней школе Томас даже написал работу, посвященную этому человеку. Большое влияние на формирование пацифистских умонастроений нашего героя оказало и изучение поэзии и мистицизма Блэйка, которым он увлекся в годы аспирантуры. Мертон находил оправданным отказ от военной службы в том случае, если она противоречит убеждениям человека. И это в годы, предшествующие Второй мировой войне, когда подобная позиция не имела общественной поддержки. Свою роль сыграла и любовь к францисканской мистике. И все это привело его в Гефсиманское аббатство. Можно сказать, в основе помыслов Томаса Мертона всегда лежал отказ от насилия.

В своих работах Мертон постоянно писал об этом, пытался объяснить воздействие принципов ненасилия как на него самого, так и на других людей. Критикуя войну и гонку вооружений, он часто встречал сопротивление. Томас не думал о политике, но его усилия влекли за собой неминуемые последствия.

Пацифизм был естественным плодом его размышлений, равно как и предпринятого им изучения истории Церкви. Мертон возражал против выдвинутой Августином теории справедливой войны. Августин оправдывал убийство с моральной точки зрения в тех случаях, когда война велась не ради нее самой, но служила последним средством достижения «высокой цели». Мертон, признавая разумность позиции Августина в рациональной сфере, считал ее непригодной для реального и экзистенциального порядка. Резкое расхождение между намерением и его осуществлением является причиной возникновения «нравственной шизофрении», при которой мотивы отделены от действий, что в данном случае и приводит к убийству человека. Результатом применения теории Августина на практике стали крестовые походы и зверства инквизиции.

Мертон научился у Махатмы Ганди подлинному пацифизму. Сторонник ненасилия должен заботиться о своем противнике так же, как и о самом себе. Ему необходимо освободить этого человека от того образа мыслей, вследствие которого притеснение и насилие становятся привлекательны. Нужно искать новые пути разрешения конфликтной ситуации. Бесполезно просто поменять местами угнетателя и угнетаемого. Необходимо устранить насилие как факт. Следование принципам ненасилия в его высшем проявлении принесет обеим сторонам победу.

Мертон осознал, что Евангелие и вся ранняя христианская традиция требовали от своих последователей отказаться от насилия. По словам Климента Александрийского, последователь Христа — это воин мира, член той армии, которая не проливает крови. Юстин Мученик говорил, что христианин не отнимает жизнь у другого, но во имя Христа отдает свою собственную. Тертуллиан, — автор, замечательный своей манерой письма, — настаивает, что Христос разоружил всех воинов христианства тем, что заставил Петра отложить его меч.

Следование принципам ненасилия вынуждает нас навсегда отказаться от шаблонного способа разрешения всех проблем и от тоталитарного подхода к человеческой жизни. Мы прибегаем к насилию в тех случаях, когда нами овладевает уверенность в обладании истиной и знанием ответов на все мучившие нас вопросы, и мы заключаем, что альтернативные точки зрения ошибочны и способны лишь ухудшить положение. Такой подход есть проявление гордыни и высокомерия. Истина не абстрактна. Она живет как в отдельных людях, так и в их сообществах.

Оправдывать убийство объективной истиной значит превращать ее из средства достижения любви в бездушный идол, требующий поклонения.

По мнению Томаса Мертона, христиане обратились к войне, потому что стали ценить самих себя выше истины, выше объединяющей их Церкви. Мертон полагает, что в этом состоит их величайшее заблуждение. Истина есть нечто большее, чем мы. Она продолжает свое существование, даже если мы перестаем ее защищать. Мы не властители истины, а ее слуги. Истина больше, чем мы, истина даже больше, чем Церковь. Церковь — тоже слуга истины, ее свидетель, но ни в коей мере не повелительница.

Вера в непобедимость истины не позволит нам ради ее сохранения осуществить насилие в отношении других людей. Подлинные приверженцы истины кротки и смиренны. Истину можно лишь высказать, и тогда ощутишь ее силу. Защищая ее насилием, мы встаем на ложный путь служения самим себе. Обращение к насилию на самом деле объясняется сомнениями в нашей внутренней правоте, которые, в свою очередь, порождают неуверенность в истинности предлагаемых нами решений.

Те, кого мы считаем врагами, часто в действительности не являются таковыми. Обычно это люди, на решения которых мы не можем влиять. Они выбирают в жизни то, что не выбрали мы, видят ту сторону истины, к которой мы остаемся глухи. Это не означает, что в мире нет злых людей. Я хочу лишь сказать, что таковых на самом деле меньше, чем мы привыкли считать. Большинство из тех, кого мы объявляем злодеями, не являются ими: они всего лишь отличны от нас.

Отказ от насилия требует духовной зрелости. Именно поэтому молитва, как мы говорили в предыдущей главе, есть важная составляющая на пути к осуществлению принципов ненасилия. Быть может, частой причиной недееспособности этих принципов является совершенно справедливо возникающее ощущение, что под покровом ненасилия таятся порой агрессия, желание управлять другими людьми или, по крайней мере, чувство нравственного превосходства и уверенности в собственной правоте.

Отказ от насилия должен сопровождаться смирением, стремлением уйти от мешающих нашему счастью суеты и тщеславия. Необходимо победить в себе жадность, которая заставляет нас быть агрессивными.

Нашего особенного внимания заслуживают два обстоятельства, которые могут придать насилью привлекательность.

Одно из них связано с представлением об изолированном существовании каждого индивидуума, благодаря которому человек якобы может причинить боль другому без малейшего вреда для себя самого. По глубокому убеждению Томаса Мертона, это не так. Все мы связаны друг с другом более тесными узами, чем кажется на первый взгляд. Причинение боли другому отравляет наше собственное сердце. Мы ощущаем стыд, и это закономерно. Оттого, избрав путь насилия, мы ищем темные закоулки, подвалы и каморки, куда не проникает луч света. Мы стремимся скрыть от других даже дурные мысли, корнящиеся в глубинах нашего сознания. Мы не хотим, чтобы они узнали о совершенных нами несправедливостях. Мы таим от них наши дурные намерения.

Ненасилие же не боится солнечного света и свежего воздуха. Мы не скрываем от других наших поступков, поскольку знаем, что в них нет ничего постыдного. Как раз наоборот. Встретив через много лет после совершенного нами насилия его жертву, больного, измученного болезнями и горем человека, мы не можем испытывать гордости. С другой стороны, приняв решение не причинять боли другому, мы впоследствии ощущаем благодарность за то, что не поддались темной стороне своей природы и оставили нашу предполагаемую жертву здоровой и невредимой.

Августин считал, что между нашими намерениями и поступками может существовать определенная дистанция. Мертон же настаивает на более целостном и комплексном взаимодействии между этими двумя проявлениями человеческой природы. По его мнению, мы должны иметь в виду не только наши собственные намерения, но и то бремя, которое они накладывают на других людей.

Другое обстоятельство, благодаря которому насилие кажется столь привлекательным, состоит в следующем. Большинство людей полагает, что мы живем в мире с нулевым балансом, в мире, где господствуют суровые ограничения и вечный дефицит. В таком мире чем больше получает один, тем меньше достается другому. Мы вовсе не стремимся убедить вас в полном отсутствии подобных ограничений. В конце концов, даже наша планета конечна в своем существовании. Тем не менее мы настаиваем на том, что этот пресловутый дефицит часто бывает

результатом совершенного в отношении других людей насилия. В большинстве случаев дефицит возникает искусственно и является прямым следствием жадности и стяжательства.

Последнее нуждается в небольшом объяснении. Дело здесь не в нулевом балансе, а в том, что увеличение производимых благ в нашем мире напрямую связано с ростом народонаселения. Обусловленная этим фактором нужда вкупе с присущей человеку творческой жилкой расширяют его возможности, осуществляют то, о чем раньше можно было только мечтать. Иными словами, выходя за пределы возможного, мы постоянно создаем новые условия существования. Таким образом, вновь возникающие потребности не истощают реальность, но расширяют ее.

Приведу простой пример. Одним из удивительных свойств жизни в семье является не иссякающая в ней способность принимать в свой круг все новых и новых членов, для которых, казалось бы, уже и нет места. Родители, направившие всю любовь и энергию на воспитание одного или двоих своих детей, вдруг находят силы посвятить себя и третьему ребенку, появившемуся в их семье. Любовь родителей как будто расширяется, чтобы охватить собой и новых членов их семьи.

Мы не отрицаем существование ограничений. К определенному моменту дальнейшее увеличение семейства может быть признано безответственным. Мы лишь хотим сказать, что момент этот наступает позже, чем кажется на первый взгляд. Многодетные родители рассказывают, что постепенно старшие дети начинают ухаживать за младшими и обретают в этом зрелость. Каждый член семьи научается делить все с остальными. Младшие же дети самым неожиданным образом делают богаче и разнообразнее жизнь своих старших братьев и сестер.

Я еще раз хочу повторить, что ни в коем случае не предлагаю многодетную семью в качестве идеала человеческого существования. Более того, я не отрицаю наличия определенных ограничений. Я обратился к примеру с семьей лишь для того, чтобы показать, что границы не столь абсолютны, как это кажется на первый взгляд.

Отсутствие дальновидности, гибкости, мужества и творческих способностей — вот истинная причина так называемого нулевого баланса. По информации Международного банка реконструкции и развития, перераспределение всего лишь двух процентов мирового запаса зерна сможет решить проблему

голода на нашей планете. Невероятно, но именно неестественно развитая жадность мешает внести нам сравнительно небольшие поправки, которые принесли бы огромную пользу всему человечеству. Попустительствовать недоеданию в настоящих условиях есть акт насилия.

Каждую минуту в мире тратится около миллиона долларов на вооружение. Если хотя бы на один день отказаться от военных расходов, то можно было бы сэкономить более биллиона долларов. А ведь подобные траты являются прямым следствием насилия, страха и жадности.

В сохранении природных богатств нуждается не наша планета, но дух человеческий. Величайшим благодеянием для всего человечества стало бы направление средств, предназначенных для ежегодного военного финансирования, на нужды образования, искусства, медицины и охраны окружающей среды.

В начале 1960-х годов Джон Ф. Кеннеди открыл перед своим народом великолепные перспективы. Он сказал, что до конца текущего десятилетия американцы непременно побывают на Луне. Его слова сделали реальным это великое достижение. Как говорил американский поэт Карл Сэндбург, мечта осуществляет все.

Мечты о мире, где царит оружие, где насилие в некоторых формах считается добродетелью, приведут к тому, что мы навеки будем обречены нести на себе бремя гонки вооружений и жестокого отношения к ближнему. Если же представить мир, в котором ранимость и отказ от насилия не будут отторгаться как проявления слабости, то такое представление не встретит понимания у противников подобной точки зрения и будет сочтено ими пустой фантазией.

Оба этих подхода сопряжены с большими трудностями. С одной стороны, нам не следует идеализировать человеческую природу. С другой стороны, мы не должны допускать, чтобы поспешные решения, равно как и поверхностный анализ, подрывали доверие к предлагаемым нами мерам.

Мертон верил (и совершенно справедливо) в то, что духовность расширяет и обогащает наше видение мира. Размышление позволяет нам найти альтернативы существующему положению вещей, распознать слишком опрометчиво и жестко поставленные ограничения.

Обсуждение принципов отказа от насилия в мировом масштабе при недостаточно осторожном подходе способно привести

к нежелательным последствиям. Нас может парализовать громадность стоящей перед нами проблемы, особенно если мы вспомним о тех ограниченных возможностях, которыми мы располагаем для изменения сложившейся ситуации. Поэтому представляется необходимым, с одной стороны, описать в общих чертах характер наших затруднений, а с другой, оставить место для личной инициативы. Если проблема выглядит столь масштабной, что заставляет человека почувствовать собственную незначительность, то мы, как правило, предпочитаем бежать от бремени личной ответственности.

В конечном счете каждый из нас, отвергнув насилие в своей повседневной жизни, будет так или иначе содействовать кардинальному изменению мира в лучшую сторону. Любой отказ от насилия улучшает наш мир, и это улучшение непреходяще. Простые, ничем не примечательные человеческие действия формируют критическую массу, которая в определенный момент производит огромные перемены. Благодаря тысячам тонких и незаметных изменений, затрагивающих сферу человеческой жизни, люди, возможно, начнут внимать словам Мертона или хотя бы прислушаются к тому, о чем мы теперь говорим.

Чтобы быть конкретным, я предлагаю вашему вниманию десять способов осуществления принципов ненасилия, которые каждый может легко применить в своей повседневной жизни.

Первый из них состоит в том, чтобы быть внимательным к другим людям. Внимание — лучший способ оказать человеку уважение, почтить его достоинство, найти путь к примирению. Духовное и эмоциональное истощение человека является прямым следствием того, что другие не хотят его услышать, не хотят понять, чего он желает добиться в жизни.

Второй способ — научиться выражать словами свои переживания и научить этому других людей. По мнению Мертона, чем больше мы молчим, тем чаще ищем в насилии возможность самовыражения. Речь здесь идет не о литературном творчестве, но о словесной передаче наших чувств и жизненных переживаний. Все мы знаем, какое облегчение испытывает человек, когда кто-то подсказывает ему слово, которое было так необходимо для выражения пришедшей ему в голову мысли. Исследования показали, что люди с высшим образованием реже прибегают к насилию, чем выпускники средних учебных заведений. Я полагаю, что отчасти это можно объяснить тем, что обучение в ВУЗе развивает речь человека. Конечно, вышесказанное не

означает, что люди с высшим образованием обладают неким нравственным превосходством. Я хочу лишь отметить, что, обучая людей словесно выражать свои мысли, мы тем самым отвращаем их от насилия.

Третий способ заключается в отказе от чрезмерной жажды деятельности, от неумного стремления к успехам и достижениям. В излишне бурной деятельности присутствует некая агрессивность. Как отмечал Томас Мертон, мы порой посредством составления блестящих резюме пытаемся придать нашей жизни больше смысла, чем в ней есть. Подобные излишества являются источником насилия, направленного против как нас самих, так и окружающих. Я не призываю в пользу посредственности отказать от стремления к совершенству. Мои слова есть лишь напоминание о том, что очень часто мы вредим себе неосознанно. Исходящие из нас напряженность, агрессия, дух соперничества отпугивают других людей, вынуждая их либо уступить, либо принять участие в состязании, скорее походящем на военный конфликт.

Четвертый шаг — это размышление. Под этим я разумею тихое молчаливое рассмотрение событий нашей собственной жизни, не достигнутых идеалов, совершенных ошибок. Размышляя подобным образом, мы также благодарим Бога за дарованное нам добро, за пережитые потери, за Его безмерную любовь. Мы можем размышлять в автомобиле и самолете, в зале ожидания и за завтраком, рано утром или в тишине ночи, на прогулке и за кофе. Современный мир предоставляет нам множество таких возможностей. Склонный к размышлению человек приносит в жизнь спокойствие и умиротворение.

Пятый способ состоит в молчании. Однажды Томас Мертон сказал, что наше молчание прерывается не разговором, а беспокойством и неумным рвением, которые не остаются незамеченными для остальных людей. Молчание побуждает других говорить. Под молчанием я не имею в виду неразговорчивость, которая обычно тяготит людей, кажется им враждебной, тревожной, даже угрожающей. Подлинное молчание созидательно, оно освобождает, стимулирует общение. Подобное молчание приносит людям мир.

Шестой способ осуществления принципов ненасилия связан с отказом от потребительского отношения к жизни. Безудержная жажда приобретательства также является формой насилия. Чрезмерность растрат — верный признак того, что человек ищет

смысла жизни в вещах. Как заметил Генри Дэвид Торо в своем романе «Уолден, или жизнь в лесу», владения обычно владеют своими владельцами, а что касается американцев, то они давно превратились в собственность своих домов.

Седьмой способ — спокойное отношение к потерям и неудачам. Мы привыкли идти от успеха к успеху. Умение проигрывать достойно и даже быть при этом благодарным — замечательная добродетель. Даосизм учит нас тому, что в жизни существует некий ритм, который по своему собственному усмотрению дарует нам победу или поражение. Стремление к успеху в тот момент, когда имеют место спад и неудача, приводит нас к саморазрушению. Мое личное поражение помогает другому человеку одержать победу. Моя победа подготавливает будущее поражение. Обвиняя в постигших нас несчастьях как самих себя, так и окружающих, мы тем самым становимся носителями насилия. Потери и приобретения — общий удел каждого из нас. То, что мы обычно называем поражением, не есть крушение всей жизни, оно лишь знаменует невозможность достижения некоей искусственно поставленной цели. В любом случае постоянные успехи не содействуют обогащению нашей жизни. Напротив, они оказывают на нее разрушительное воздействие.

Чтение Священного Писания также способствует осуществлению принципов ненасилия в жизни. Если люди будут ежедневно выделять хотя бы пять минут на изучение Писания, их существование станет несравнимо богаче. Пять минут свободного времени найдется у каждого. Нам в жизни нужен образец, некое мерило наших поступков, освященная веками норма, которая бы служила источником вдохновения и мотивировала наше поведение. Писание и есть такая норма, неподвластная ни времени, ни мимолетным увлечениям. Оно дает нам опору и мир во всех бурях современной жизни.

Десятый способ состоит в том, чтобы никогда не упускать из вида историческую перспективу. В противном случае мы впадаем в безумие. Вспоминая разочарования нашего детства и юности, мы понимаем, сколь ничтожны были многие из них. Объективный взгляд как на историю человечества в целом, так и на события нашей собственной жизни помогает нам увидеть смысл происходящего. Добро преобладает в мире.

И, наконец, последний, десятый способ заключается в вере в добрую основу человеческой природы. Достаточно провести всего лишь некоторое время в аэропорту для того, чтобы понять,

как люди заботятся, оберегают, скучают друг по другу. Люди заслуживают доверия. В противном случае не сохранились бы ни Священное Писание, ни память об Иисусе. Люди создают музыку, танцы, произведения изобразительного искусства, образуют семьи, строят школы, больницы и спортивные площадки, разбивают сады. Вера в злое начало человеческой природы ожесточает, приводит к пессимизму, делает нас склонными к цинизму и насилию. Возможно, религиозные лидеры слишком мало доверяют людям. Большая часть совершенного во имя религии насилия (вот парадокс!) основывалась на идее о том, что сам по себе человек нехорош.

Все эти способы под силу каждому из нас. Они не отнимут много времени. Все мы можем применить их к собственной жизни. Эти способы конкретны, практичны, реально выполнимы и способны привести к ощутимым изменениям.

Если вы все еще не уверены в действенности предлагаемых мер, то задайте себе один простой вопрос: каков будет мир после того, как все люди или хотя бы большая их часть осуществят эти меры на практике? Не зря говорится, что лучше зажечь свечу, чем проклинать темноту.

В этой беседе мы попытались показать, что отказ от насилия есть не роскошь, а насущная необходимость. Он составляет самую суть нашей духовной жизни. Отказ от насилия не является пустой фантазией. Он есть плоть и кровь, живое средоточие нашей человечности.

Вопросы для размышления

- Вспомните те случаи, когда вы были жестоки и несправедливы к другим людям, когда вы совершали физическое или словесное насилие, оскорбляли окружающих молчанием или эмоциональным отчуждением. Подумайте о том вреде, который вы, быть может, нанесли. Как вы сейчас оцениваете все произошедшее? Были ли, на ваш взгляд, лучшие способы разрешения проблемы?
- Вспомните о проявленных вами некогда суровости и мягкости, о неожиданно пришедшем прощении и отказе от возмездия. Какие чувства в вас рождает подобное воспоминание?
- Могут ли быть признаны добродетельными некоторые способы ведения войны? Можно ли найти моральное

оправдание для смертной казни? Как бы мы отнеслись к сообщению о том, что Иисус Христос при определенных обстоятельствах якобы одобрил военные действия, позволил или даже посоветовал казнить преступника?

- Верите ли вы, что мир готов к отказу от насилия?

Заключительная молитва

Милостивый Иисусе, умерший на кресте в телесных
и духовных муках,
помоги нам постичь тайну и любовь,
которые позволили Тебе простить Твоих палачей.
Научи ценить нас то доверие, которое оказал Ты всем
покинувшим тебя ученикам.
Смягчи наши сердца, но оставь в них силу.
Научи их прощению, но не отнимай мужества.
Лиши их насилия, чтобы мы обратились
к врагам нашим так, как обращаемся к друзьям.
Аминь.

День шестой

По ту сторону океана

Единение в Духе

В начале этой книги мы упоминали о четырех мистических переживаниях в жизни Томаса Мертон. Мы говорили о посетившем Мертон видении (тогда перед ним предстал его умерший отец), которое в конечном счете помогло нашему герою постичь свое призвание к духовной жизни. Начиная с того момента, Томас поверил в возможность лучшей жизни, спокойного и прочного существования. Мертону было тогда восемнадцать лет. Восемью годами позже он войдет в стены Гефсиманского аббатства.

Примерно через семь лет после первого мистического опыта последовал и второй. Мертон был в то время на Кубе. Мы уже рассказывали об этом эпизоде. Теперь Томас размышлял о следующем шаге на пути — о принятии монашеского сана. Это произошло во время литургии, когда хор исполнял очень страстно *credo* («верую»). Охватившее Томаса переживание носило не визуальный, а акустический характер. На сей раз не свет в его комнате, но эти поющие в церкви голоса, подобно громовому раскату, потрясли все его существо. Сам Мертон так описывал свои чувства. Страхи его покинули. Он ощутил красоту и уверенность, чего не испытал раньше. Теперь он был готов поступить в монастырь. Все сомнения оставили его. Шел 1940-й год. Томасу было двадцать пять лет. Через год он станет монахом.

Оба эти события не выходят за рамки католической традиции как с точки зрения возможности их фактического осуществления, так и со стороны тех последствий, которые они повлекли за собой. Подобные происшествия в определенном смысле соответствовали настроениям и ожиданиям католиков до II Ватиканского собора. Что касается реальности видений,

то вплоть до упомянутого собора Католическая церковь единодушно признавала этот феномен как один из важнейших факторов духовного опыта. Лурд и Фатима стали центрами паломничества для всего католического мира благодаря подобным происшествиям.

С точки зрения последствий, эти события представлялись тем более важными, что укрепляли истинную веру. В католичестве первой половины XX столетия духовное обращение и монашество считались стезями, предпочтительными для каждого доброго христианина.

Третий и четвертый случаи в цепи откровений Томаса Мертона с точки зрения Католической церкви в том виде, в каком она существовала до II Ватиканского собора, могли быть восприняты как искушения. Их описанию посвящены заключительные главы нашего повествования. Результатом третьего переживания стало обращение Томаса Мертона к проблемам, имеющим широкий резонанс в сфере светских и политических взаимоотношений. Само это событие и его последствия будут рассмотрены в следующей нашей беседе. А сейчас мы обратимся к четвертому мистическому переживанию Мертона, которое заставило его благоговеть перед статуями Будды.

Это случилось 2 декабря 1968 года, за восемь дней до смерти нашего героя. Он был тогда на Шри-Ланке, осматривал статуи Будды в Полоннаруве. Ретроспективный взгляд на происшествие в буддийском святилище поможет нам понять масштаб этого события, а также ту удивительную перемену, которая произошла в жизни пятидесятитрехлетнего монаха.

Итак, перенесемся на мгновение в 1948 год, за двадцатилетие до этого. Минуло уже семь лет, как Томас Мертон принял монашеский сан. К тому моменту он опубликовал уже две книги, в которых мало хорошего было сказано в адрес буддизма. В «Семирусной горе» Мертон обвинял буддизм в нигилизме, называл его следствием ошибочного образа мыслей. Во второй своей книге он стал с еще большим ожесточением нападать на буддийскую религию. Эта книга — «Изгнаний славы ради» — имеет замечательное название, которое в немногих словах прекрасно характеризует жизнь самого автора или, точнее, его азиатское путешествие и будущую кончину. Правда, при внимательном прочтении книга не производит столь глубокого впечатления. Ее содержание не оправдывает заголовка. Буддизм в его японском ответвлении описан в книге как суеверие

и язычество, к тому же склонное к идолопоклонству. Статуи Будды именуется в книге слепыми и мертвыми истуканами. При этом подразумевается, что такова и создавшая их религия.

Удивительно, сколь сильно изменились взгляды Мертона в последующие двадцать лет. И не его одного, но и всей Католической церкви. Еще в 1959 году даже представители других направлений христианства воспринимались ею с подозрением. Что до прочих религий, то они и вовсе не признавались ею таковыми. Исключение делалось лишь для тех, кто имел что-нибудь предложить христианам. Разве мог Томас Мертон в годы работы над второй своей книгой предположить, что однажды он, цистерцианский монах, будет стоять в экстазе перед статуей Будды и постигнет в тот момент цель и назначение своей жизни? Скажи ему кто-нибудь в 1948 году о такой перспективе, он посчитал бы бессмысленным продолжать начатый разговор.

Нам не следует недооценивать важности той перемены, которая произошла в нашей духовной ориентации. В 1940-е годы истинного Христа можно было обрести только в лоне Римско-католической церкви. Все прочие Его манифестации не принимались в расчет.

И вот наступает 2 декабря 1968 года. Ничто не предвещает близкой смерти Мертона и окончания его пути.

Томас идет по Полоннаруве. Он направляется к статуям Будды, которые не были, по его мнению, творениями простых смертных. Все вокруг поросло лесом. Мертон останавливается перед огромным изображением сидящего Будды. И тут с ним случается нечто. Предложенное Мертоном описание собственного мистического переживания наполнено «электрической» лексикой, так что некоторые могут даже подумать, что речь здесь идет о казни на электрическом стуле. По словам Томаса, он был с силой «выдернут» из своего обычного состояния. Внутри себя он ощутил яркую вспышку, очистительную и освобождающую. В одно мгновение он понял, что в жизни нет тягот и затруднений. В ней есть лишь пустота и сострадание.

Никогда прежде красота и духовность не являлись Мертону в таком неодолимом единении. Ему по-прежнему было неведомо будущее, но он познал сердце реальности, сущность вселенной, основу бытия. Он проник в глубину вещей, преодолел их обманчивую внешность. Ясность, чистота, свет, совершенство наполнили тело и душу Томаса. Ему не нужно было ничего другого. Наступило время молчания.

Томас Мертон разделил свой опыт с нами, конечно же, в той мере, в какой его способны выразить слова. Читая написанные им строки, невольно проникаешься ощущением того, что в дальнейшей жизни нет необходимости, цикл завершен, путешествие закончено. Какая горькая ирония судьбы! Развязка жизни наступила в момент, менее всего подходящий для этого. Безмятежность была дарована там, где прежде ее и не пытались искать. Свет ярче всего вспыхнул там, где ранее ожидали найти лишь темноту.

Теперь нам не нужно больше подтверждений тому, что путь наш не принадлежит только нам, точно так же, как жизнь и странствия Томаса Мертона не являлись его личным достоянием. То, что прежде казалось враждебным, теперь представляется необходимым, вредное превращается в полезное. Враг становится нашим другом, противник — соратником. Самое ничтожное оказывается воплотившимся Богом, Христом, лицо Которого сначала и не распознаешь, как не распознали его ученики по Воскресении. Однако теперь мы видим Иисуса, как будто впервые представшего перед нашими глазами.

Тема беседы

Томаса Мертона непрестанно занимал вопрос о месте пребывания Бога. Правда, в жизни нашего героя было время, когда подобная тематика, казалось, мало интересовала его. Но и тогда в периоды спокойствия и кризисов имело место некое подспудное размышление, главным предметом которого был Бог. Все это нашло отражение в книге Мертона «Семиарусная гора».

Приняв католичество, Мертон самым неожиданным для себя образом обрел Бога в лоне Католической церкви. Во время обучения в Колумбийском университете Томас и представить себе не мог, что Бог приведет его в цистерцианское аббатство в Кентукки. До этого он не пытался найти Бога ни в своем литературном творчестве, ни в выражениях социального протеста. Негативное отношение к протестантизму, высказанное Мертоном в своей автобиографии, мешало ему искать Бога в христианских церквях и на улицах Луисвилла.

Но поразительнее всего то, что Мертон смог обрести Бога в Азии, в религии буддизма. Если Господь присутствовал, действовал, стал доступен ему в самом отдаленном и неожиданном месте, то необходимо было признать, что Бог пребывает

езде. Мертон постиг ставшую для него удивительной истину, заключающуюся в том, что Бога можно найти в любом месте, будь то деревня или кафедральный собор, мегаполис или монастырь. Бог доступен не только католикам, но также и представителям других церквей и религий. Его можно обрести в браке или безбрачии, на работе или в церковном хоре. Бог не знает предпочтений. Неопалимая купина является для Него не менее священным местом, чем храм. Коровьи ясли для Него ничем не хуже синагоги, а Галилейское море не менее ценно, чем какая-нибудь общепризнанная святыня. Святость не знает границ. Бог может избрать для возвещения Своей воли и один из римских дворцов, и хижину в Назарете. Он способен ниспослать откровение и во время церковной службы в храме на Кубе, и на одной из израильских гор. Он в силах явить Свое присутствие на улицах Кентукки или в гористой Иудее. Его родной может стать азиатский буддизм или палестинский иудаизм. Смерть от замыкания электричества в Таиланде, равно как и распятие на кресте в Иерусалиме, открывает дорогу в вечную жизнь.

Бог пребывает везде. Эту истину легко принять как абстракцию, но тяжело прочувствовать в жизни. В теории ее признают вполне достоверной, но часто отвергают в повседневном опыте.

Один из главных уроков Томас Мертон получил в последнюю неделю своего земного существования. Его лицо, во время путешествия по азиатским святыням озаренное радостью откровения, а затем в Бангкоке несущее на себе отпечаток предсмертных страданий, есть лицо Бога, воплотившегося в жизни нашего героя. Это лицо Христа в буддийском одеянии, это лик смерти, узревшей за распятием воскресение. Мертон встретил пасху в Полоннаруве. На еврейскую пасху пришлась его смерть, перенесшая нашего героя, минуя Гефсиманское аббатство, в рай. Бог присутствовал в каждом шаге его пути. Ибо Бог пребывает везде.

Вступительная молитва

Блаженный Господь,
слуга Твой Томас однажды назвал созерцание страной,
чей центр везде и чьи границы нельзя обнаружить.
Он видел, что смысл его постигается не в скитаниях
по дальним странам,
но в спокойном пребывании на одном и том же месте.

Оставаясь там, где мы есть,
мы обретаем способность здесь и сейчас
приобщиться к тайне единения с Тобой
и проникнуться состраданием к окружающим нас людям.
Даруй нам способность к созерцанию,
сделай нас людьми молитвы,
чье странствие измеряется не географией, а благодатью,
чей дом нерукотворен, но пребывает там, где мы есть.
Живи в нас, чтобы наши сердца освятило
Твое присутствие,
чтобы все, кто встречает нас, знали, что Бог
пребывает в нашей общей человеческой природе,
сакраментально скрытый в самых простых вещах.
Ты хлеб нашей повседневной жизни,
освященной и превращенной Твоим присутствием
в вино блаженства и красоты.
Направь нас на путь, подобный этому,
чтобы мы всюду могли обрести Тебя,
включая и те места, где мы менее всего ожидаем этого.
Помоги нам найти Тебя
в рутине нашей обыденной жизни.
Не оставляй нас и на смертном одре.
Аминь.

Беседа шестая

Многое в жизни Томаса Мертона нуждается в дополнительном разъяснении. Обращение к Востоку было одним из самых провокационных поступков, совершенных когда-либо нашим героем. После этого многие почитатели Мертона отвернулись от него. До сих пор мотивы, побудившие его сделать выбор в пользу Востока, вызывают споры и сомнения.

Однако решение Томаса Мертона не должно вызывать нашего удивления. Идеи ненасилия не так далеки от религий Востока. Там получили большее (я не говорю «совершенное») развитие терпимость, осмысленный подход к жизни, особенно в отношении религиозных вопросов. Духовная атмосфера там не столь напряженная. В решении нематериальных проблем преобладала большая гибкость. Перечисляя все это, я вовсе не закрываю глаза на ограничения, налагаемые восточными

религиями. Я лишь хочу подчеркнуть тот факт, что они несут с собой иное восприятие, иные тенденции и приоритеты.

Первые годы жизни нашего героя были полны одиночества. Его тогдашнее состояние мы могли бы по аналогии с Данте охарактеризовать как «ад» безнадежности и цинизма. В эти годы смерть была с ним повсюду. На протяжении следующего этапа его жизни, который мы назвали бы «чистилищем», спутниками Мертона стали его товарищи по Колумбийскому университету и братья-цистерцианцы в Гефсиманском аббатстве. Они были его Вергилием, указывающим на те возможности, которые сам он не замечал. Восток выступил в роли Беатриче для нашего героя, приведшей его через смерть в «рай» окончательного блаженства.

Восток придает особое значение *anima*^{*}, которую можно назвать «женской» стороной души человека. Духовный мир Востока с его интуитивностью и мягкостью стал новой матерью для нашего героя.

В монастыре его матерью была Церковь. Она стала первым его воспитателем. Ранее мы уже рассказывали о том, как в молодые годы Мертона спасли присущие католичеству оптимизм, гуманизм, жизнь в общине и мистицизм. В первое время пребывания в монастыре Мертон испытывал радость, подобную радости младенца, которого приемлет в свои объятия мать, даря ему любовь и ласку.

По мере того как Мертон духовно «взрослел», влияние Церкви становилось для него все более и более неоднозначным. Она по-прежнему оставалась его матерью. Но теперь Мертон увидел жесткость и деспотизм, ограниченность и бессердечие там, где прежде все воспринималось иначе. Его тяготил догматизм Католической церкви, ее лишённые основания претензии на обладание абсолютной истиной, стремление утвердить свое превосходство и быть судьей других религиозных систем. Мертона удручали неестественная озабоченность Католической церкви собственной непогрешимостью, осуществляемая ею жесткая цензура и неправомерное использование закона для принуждения людей к принятию обета безбрачия. Мертон по-прежнему любил все лучшее в Католической церкви. Но он не мог со временем не подвергнуть критике то, что сначала он принял как естественный ход событий. Мертон был похож на достигшего

* Жизненное начало, дух, душа (лат.). — Прим. пер.

зрелости человека, вдруг увидевшего те недостатки родителя, которые раньше чувство почтения не позволяло ему замечать.

Томас Мертон обратился к Востоку в тот момент своей жизни, когда *anima*, или «женское» начало, души человека заговорила в нем с новой силой. Он искал не истины, но сострадания. Отказ от насилия, беседы с буддистами, чайные церемонии и каллиграфия, тексты Чжуан-цзы и идея отшельничества, приоритет практики над теорией, созерцания над его формой, духовности над структурами Церкви — все это привлекало к себе «женскую» сторону души Томаса Мертона.

Жизнь нашего героя в этот период полна противоречий. С одной стороны, он неукоснительно выполняет все распоряжения аббата. С другой стороны, часто с ним ссорится. Он любит жизнь в монастыре, и в то же время она представляется ему чем-то недостаточным. Он продолжает исполнять обет безбрачия, но ощущает потребность в романтической любви. Он принимает церковную иерархию, но в то же время относится к ней без должного почтения. Он часто страдает от стрессов и психических расстройств.

В дзэн-буддизме Мертон сталкивается с иным подходом к противоречиям. Дзэн учит его, что проблема не в противоречиях. Их наличие не означает поражения. Не следует стремиться разрешить противоречия. Нужно лишь полностью принять их, и проблема прекратит свое существование. Можно сказать, что там, где есть противоречия, отсутствует сам человек.

Подход, предлагаемый дзэном, не очень логичен. Его не приемлет *animus*^{*}, или мужское начало, души каждого из нас. Рациональность не является сильной стороной дзэна. Тем не менее Мертон принял его. Истина дзэна — не та, что нуждается для своего подтверждения в разного рода силлогизмах, доказательствах и обоснованиях. Мертон просто ощущал ее как таковую. Это была *ego* истина. Ее нельзя было отвергнуть. Мертон должен был увидеть, куда приведет избранный им путь.

Дзэн доводит противоречия до их крайнего предела, достигнув которого, человек либо сходит с ума, либо обретает единство. Парадокс в том, что противоречия составляют суть единства и при этом ускользают от него.

Устав от жизненных хитросплетений, Мертон обратился к дзэну. Он привлек его своей абсолютной простотой и обновил

* Дух, душа, смелость (лат.). — Прим. пер.

его дух. Мертон опасался, что Запад зашел слишком далеко по пути, открытому Декартом. Запад тяготеет к дуализму. Он любит отделять хорошее от плохого, истину от заблуждения, индивидуальное от общего, Бога от Его творения. Он оказывает предпочтение одной религии перед всеми остальными. Запад интересуют решающие победы и точно сформулированные доктрины.

Восточному мировосприятию ближе по духу принципы ненасилия, поскольку оно меньше полагается на эмпирическое и общественное «я», рассматриваемое в отрыве от других индивидуальностей. Вместо этого Восток обращается к истинной, глубинной сущности человеческой личности, общей для всех людей. Наши противоречия, ограниченность, а порой и враждебность существуют лишь на эмпирическом уровне. На самом же деле все есть гармония и мир.

Выявление своей подлинной сущности сопряжено с жертвами и страданиями. Мы обязаны совершить путешествие в истинную реальность. Мы должны быть готовы перенести боль и умереть. Отсюда вытекает необходимость во всеобщем сострадании. Сострадание есть сущность духовности и религии.

Ошибка Запада заключается в его попытке отыскать смысл бытия в теоретическом мышлении и эмпирическом существовании личности. Восток же настаивает на том, что не теоретическое мышление, а практика придает жизни смысл, который принадлежит не отдельному индивидууму, но всем человеческим существам. Конечно, мы не должны идеализировать Восток. И там есть свои темные стороны и недостатки. Однако в рассматриваемом нами вопросе Восток имеет перед Западом неоспоримые преимущества.

По мнению Мертона, Запад свел проблему бытия к пустым рассуждениям, математическим выкладкам и рационалистическим толкованиям. Причиной затруднений в осуществлении принципов ненасилия как в теории, так и на практике является то, что они входят в конфликт с традиционным в западной культуре представлением об эмпирической личности. Преодоление этого конфликта есть начало мудрости и сущность пифагорейства.

Свойственная буддизму сострадательность является результатом его отказа от дистанцирования и дуализма. По словам Мертона, именно это качество позволяет ему устанавливать добрые отношения с христианством. Буддизм не считает

альтернативные системы ложными и не рассматривает их как нечто отличное по своей сути. В статье «Дзэн и голодные птицы» («Zen and the Birds of Appetite») Томас Мертон пишет, что буддизм является не доктриной, но способом существования в мире. Буддизму нет дела до дефиниций, даваемых ему Западом, поскольку он сознает несовершенство любого определения.

Буддизм часто упрекают в кажущемся безразличии к вопросам социальной справедливости. Но при все том именно он стал неотъемлемой частью размышлений Мертона на данную тему.

К рассмотрению буддизма в этом ключе подвигло Томаса Мертона в первую очередь не оставлявшее его ощущение единства, которое возможно лишь в случае отказа от насилия и эгоизма. Буддизм принес в жизнь нашего героя новый взгляд на происходящие в мире события. Социальное зло имеет более глубокие корни, нежели конкретные его проявления, такие как Хиросима, Освенцим или Вьетнам. Последние явились лишь симптомами глубоко укоренившейся потребности в насилии и предпочтения личностного начала. Подобные негативные проявления не прекратятся до тех пор, пока люди не обратят внимания на лежащие в их основе проблемы. Здесь не помогут ни исследования, ни размышления над причинами конкретных событий. Изменить ситуацию способно лишь обращение к более глубоким аспектам проблемы насилия. Буддизм не верит в возможность внешнего реформирования людей и социальных институтов, — такой подход скорее характерен для западного мышления. Буддизм стремится освободить людей от внутренних иллюзий, приводящих к тому, что какая-либо раса, нация или традиционная религия проникаются уверенностью в собственной непогрешимости.

Буддизм заставил Мертона задуматься над необходимостью быть чутким к страданию в сотворенном мире. Немало помогла ему в этом и принадлежность к христианской конфессии. Мертон обратился к размышлениям о мученической кончине Иисуса, в которой со всей очевидностью была явлена неизбежность страдания. Воскресение показало, что, лишь перенеся страдание, можно его преодолеть. Ибо только через страдание происходит воскресение.

На этом глубоком уровне между буддизмом и христианством не существует разногласий. На практике обе системы имеют много точек соприкосновения. По мнению Мертона, различия возникают только в теории. Здесь буддизм становится более

критичным к Западу, чем Запад к буддизму. Запад серьезно озабочен размышлениями о практическом опыте. Для Востока же этот вопрос есть лишь приятное времяпрепровождение.

Обращение Мертона к Востоку напрямую связано с достижением им духовной зрелости. Католики, чей взор был затуманен близорукостью, увидели в его действии предательство. Для Мертона же как сторонника широкого понимания христианства подобный шаг был необходим. Акцентирование различий между людьми лежит в основе чинимого нами насилия. Истина — в нашем сходстве друг с другом.

Мертон обратился к Востоку в связи с тем, что евангельская и францисканская бедность, которую он всегда так ценил, приобрела для него в тот период еще большее значение. Уже в течение многих лет он не имел никакой собственности. Но подобная жертва во имя бедности уже казалась ему недостаточной. Мертон нашел еще более радикальную форму бедности, отказавшись оставаться таким, как он был прежде, следовать тому образцу поведения, который гарантировал ему одобрение в людях и Церкви. Он решил не бояться риска. Мертон призывал к внутренней свободе. Он говорил, что не следует ни стремиться к обладанию какой-либо вещью, ни искать одобрения у окружающих. Желание не обмануть ожидания общества не приносит человеку удовлетворения. В письме к своему другу Джеймсу Лолину Томас Мертон отмечал, что жизнь не может и не должна быть лишеной противоречий.

Отказ от насилия и поиски духовной мудрости, предпринятые Мертоном на Востоке, нашли отражение в его книге «Бомба-первенец» («Original Child Bomb»). В основе названия этого произведения лежит японское выражение, которое использовалось для обозначения атомной бомбы, взорванной в Хиросиме.

Мертон писал о Махатме Ганди и Мартине Лютере Кинге, о дзэн-буддизме и китайском даосизме. Все это побудило его заняться изучением наших культурных мифов и общепризнанных истин, которые с некоторых пор стали восприниматься нами как нечто несомненное, не подлежащее анализу и критике. В этих мифах находится и объяснение бомбе, сброшенной в Хиросиме.

Невозможно отрицать, что любая культура испытывает глубокое воздействие, которое на нее оказывают мифологические системы. Подобное отрицание само по себе есть миф.

Одним из главных американских мифов является миф об инженерном искусстве и эффективности производства. Мы не можем отказаться от изобретения того, что представляется реально осуществимым. Мы не способны отказаться от того, что эффективно. Благодаря этому мифу создание атомной бомбы стало восприниматься как задача первой необходимости. Такая бомба была одновременно и образцом инженерного гения, и необычайно эффективным орудием убийства. Некоторые могут возразить, что бомба спасла множество человеческих жизней, так как смогла предотвратить нападение Японии, которое повлекло бы за собой огромные потери с обеих сторон. Мертон беспокоило то, что решение о применении атомной бомбы не сопровождалось обсуждением этого вопроса с моральной и этической точки зрения. Мало того, имело место всеобщее благоговение перед гениальным изобретением, его невероятной мощностью и эффективностью.

Второй миф — миф о контроле. Он заставляет нас с удовлетворением осознавать, что все в мире можно контролировать. Этот миф оказывает воздействие на правительство и Церковь, на жизнь родителей, врачей и учителей, на взаимоотношения между супругами. Бомба — ужасное оружие, внушающее людям неописуемый страх. Оно позволяет нации, им обладающей, влиять на жизнь других народов. Бомбардировка Хиросимы вынудила Японию капитулировать. Она заставила пойти на уступки и другие народы. Бомбардировка стала наказанием Японии за нападение на Соединенные Штаты. Это наказание было наглядным уроком для всех потенциальных агрессоров. Оно заставило людей повиноваться.

Еще один миф — миф о прогрессе. Благодаря ему мы верим в бесконечность развития технологической и гуманитарной сферы человеческой жизни. Миф убеждает нас в том, что все ошибки исправимы. Мы начинаем верить в то, что в случае возникновения проблем с оружием мы сможем их легко решить.

Миф о богатстве убеждает нас в том, что собственность дает чувство превосходства над окружающими. Согласно ему, собственность является основой нашей безопасности. В применении к военным действиям этот миф порождает идею о том, что решающая победа на войне — верное доказательство божественной поддержки или моральной правоты. Мы полагаем, что обладание уникальным оружием делает нас великой нацией. Мы, американцы, — великая нация, но причина тому не в оружии.

Пятый миф — безоговорочность капитуляции наших врагов. В его основе лежит ошибочное представление о том, что противник наш есть абсолютное зло, что в нем нет ничего поистине человеческого. Поэтому необходимо не только разрушить военный потенциал, но и сломать дух такого народа. Подобный образ мыслей узаконивает применение ядерного оружия. Он оставляет для противника лишь возможность унижительной капитуляции, без каких-либо гарантий, условий или оговорок, даже если таковые продиктованы здравым смыслом и гуманностью.

Есть и другие мифы. Однако для нас достаточно будет и тех, которые мы здесь рассмотрели. Их изучение помогает понять, насколько легко убедить себя в необходимости той или иной политики как в государственном, так и в частном масштабе даже в тех случаях, когда в подобных действиях нет реальной нужды. Рассмотрение этих мифов не имеет своей целью дать оценку избранной стратегии. Мы хотим лишь показать, что те, кто принимают решения, вовсе не так рациональны, как то представляется им самим.

Знакомство с Востоком, его культурным и духовным миром, литературой и религией позволило Мертону столь глубоко пересмотреть сущность западной культуры.

На Западе миф о ненасилии отсутствует как таковой. Поэтому отказ от насилия не представляется здесь чем-то возможным, желательным или обязательным. Подобным мифом могла бы стать история Христа, но Запад предпочел увидеть в Нем Триумфатора, Царя, Правителя, Господина, Судью и Воздаятеля за грехи. Такое истолкование жизни Иисуса привело к крестовым походам и к созданию инквизиции. Оно породило жесткую иерархию и господствующие системы законодательства, будто бы безгрешных властителей и церковные соборы, на которых инакомыслящих подвергали анафеме. Мы знаем, что были и другие, более мягкие интерпретаторы истории Христа. К их числу принадлежали святые и другие склонные к состраданию люди. Они с уважением относились к человеческой жизни и сохраняли ее даже своим заклятым врагам. Однако эти более гуманные представления о Христе были недостаточно сильны для того, чтобы создать на Западе реально действующий миф о ненасилии.

Мертон находит принципы ненасилия как в духовном мире Востока, так и в лучших вариантах жизнеописания Христа. И действительно, буддизм позволяет нам увидеть яснее кроткий и чуждый насилию образ Иисуса.

Люди ощущают потребность так или иначе проявить себя в культуре в результате тех правил и мифов, символов и социальных сил, которые навязывают им определенные модели поведения. Так, например, мы, американцы, высоко чтим свободу, которая, в свою очередь, также является одним из главных мифов нашей культуры. Мы видим в свободе выбора основу человеческой жизни, но редко сознаем при этом, что наша свобода зачастую ограничена теми культурными мифами, которые мы, сами того не подозревая, культивируем.

Для американцев свобода является приоритетной на внешнем уровне их бытия. Что до свободы духовной, пребывающей внутри человеческой личности, то на нее могут налагаться разного рода ограничения. Отсутствие бдительности в этом вопросе способно привести к окончательной утрате свободного состояния. В мировой истории и литературе много одобрительных слов было сказано в адрес тех, кто, находясь в заключении, сумели сохранить свою внутреннюю свободу неприкосновенной. В нашей повседневной жизни мы находим примеры другого рода. Очень часто люди, внешне свободные, оказываются в зависимости от навязанных им культурой стереотипов, тайно или явно внушенных убеждений.

В книге «Бомба-первенец» содержится оценка Мертона как принятого американским правительством решения сбросить первую атомную бомбу, так и тех мифов, которые привели к подобному результату. В данной книге Мертон говорит о том, что для описания этого смертоносного оружия американские политики и военные зачастую использовали язык религии. Они называли бомбу «младенцем», который возвестит эру мира. Когда разработка атомной бомбы была завершена, Уинстон Черчилль получил шифровку, в которой сообщалось, что «роды прошли благополучно». Так орудие убийства стало обозначаться словами, знаменующими начало новой жизни. Ужасное изобретение было объявлено средством достижения мира. Взорванная во время испытаний в штате Нью-Мексико атомная бомба носила имя «Троица». Ослепительная вспышка, сопровождавшая этот взрыв, заставила одного из присутствовавших на испытаниях официальных лиц закричать: «Господи, верую! Помоги моему неверию!». Один из американских генералов (Ли), сомневавшийся в эффективности нового изобретения, получил прозвание «Фомы неверующего». Американский корабль «Индианаполис» принял на борт упакованный в свин-

цовые контейнеры уран-235, чтобы доставить его на тихоокеанский остров Тиниан, где должна была быть изготовлена атомная бомба. Команда судна получила строгие указания: в случае нападения или при малейшей угрозе затопления корабля спастись в первую очередь следовало не людей, а ядерное топливо. В культурах, которыми движет технологический миф, жизнь человека обесценивается. Машины, конвейеры или любые другие продукты человеческого труда становятся важнее их создателей. Люди, обслуживающие на «Индианаполисе» уран-235, должны были быть принесены в жертву предмету своего поклонения. Сбросив бомбу на цель, бомбардировщик Б-29 «Энола Гей» взял курс на Тиниан, оставив Хиросиму полахать в ядерном пожаре. Кодовое название обратного перелета было «Папство».

Вопросы для размышления

- Какие чувства в вас вызывает обращение Томаса Мертона к буддизму?
- Есть ли в вашей жизни мифы, которые оказывают серьезное влияние на ваше поведение?
- Что вы думаете о жизни Иисуса? Что, на ваш взгляд, имело для Него первостепенное значение? Что более всего заботило Его?
- Находили ли вы в других религиях какие-либо привлекательные черты, которые со временем стали для вас неприемлемы?
- Изменились ли с течением времени ваши представления о Боге?

Заключительная молитва

Любящий Отец,
Ты сотворил все человеческие сердца
и пребываешь во всех мировых культурах.
Помоги нам обрести Тебя во всем многообразии
принимаемых Тобою обличий,
во всех сферах, куда люди в поисках Тебя
направляют свои шаги.
Милосердный Спаситель,
спасший мир и возлюбивший людей,
позволь нам ощутить Твое живительное присутствие в тех,

кто ищет избавления от сил,
несущих вместо жизни смерть.
Святой Дух, вселяющий в умы и души людей
милосердие и доброту,
научи нас, как обрести Тебя в тех,
чья жизнь возвышена Твоей близостью.
Аминь.

День седьмой

Мир обретенный

Единение в Духе

По рассказу Томаса Мертонa, третье мистическое переживание случилось с ним на перекрестке Четвертой улицы и Уолнат-стрит. Названия улиц не имеют здесь принципиального значения. То, что этот эпизод произошел в Луисвилле, штат Кентукки, определенным образом характеризует само событие, но не придает ему никакого романтического ореола. Два первых мистических опыта Томаса Мертонa случились в Риме и на Кубе. Последнее, четвертое, произошло в Полоннаруве. Это название мало кому покажется знакомым. Но все же речь идет о Шри-Ланке, далекой экзотической азиатской стране. В этом есть какая-то притягательность. В то время как перекресток Четвертой улицы и Уолнат-стрит — самое обычное, ничем не примечательное место в Луисвилле. Оно с большей вероятностью может встретиться в криминальной хронике, чем в описании богоявления. Его название скорее напоминает направление, которое мы указываем таксисту, нежели то место, которое Бог избрал для встречи с нами.

Но, по всей видимости, таков порядок вещей. Мертон на протяжении всей своей жизни стремился убедить нас в том, что Бог пребывает везде. Он хотел показать, что духовная жизнь доступна каждому из нас. В поисках Бога не нужно отправляться в Европу или Азию, устремляться на Кубу или в обитель монахов-цистерцианцев. Бог присутствует даже в деловой части Луисвилла, на перекрестке Четвертой улицы и Уолнат-стрит, где сигнал светофора регулирует движение машин и пешеходов. Толпы людей спешат там по своим делам. Их мысли далеки от поиска земли обетованной. Там нет моря, расступающегося перед их ногами. Люди просто переходят через улицу. Там нет

неопалимой купины. Есть лишь красный сигнал светофора. Везде сплошная проза жизни. Нет места мифу. Нет и намек на ту атмосферу, которая соответствовала бы величию происходящего.

Но, тем не менее, именно перекресток Четвертой улицы и Уолнат-стрит стал местом нашего события.

По словам Мертона, это случилось 18 марта 1958 года. Шел семнадцатый год его пребывания в монастыре. Начиналось последнее десятилетие его жизни. Таково было положение Мертона в плане его физического летоисчисления. Что касается характеристики духовного и психологического состояния нашего героя, то здесь нам потребуется иная система координат.

Десятилетие, протекшее со времени публикации в 1948 году «Семиарусной горы», было ознаменовано серьезными переменами в жизни Томаса Мертона. Однако эти изменения нельзя признать сопоставимыми с той глобальной переориентацией, которая окрасила собой последнее десятилетие его земного существования. Предметом нашего особого внимания будет 1958 год, открывающий этот заключительный период в жизни нашего героя.

Как мы отмечали ранее, Томас Мертон «ушел от мира» в 1941 году. Это события нашло достойное отображение в написанной им семью годами позже автобиографии. Мир, от которого отрекся Мертон, впоследствии стал его главной аудиторией. После 1948 года этот мир искал и преследовал его, и он был не в силах оказать ему сопротивление. Мир был необходим нашему герою для духовной жизни. Мертон призывал этот мир и одновременно страшился собственных призывов. Томас искал его присутствия и даже одобрения, но не мог себе признаться в этом.

В рассматриваемый нами период перед Мертоном стояли две неразрешимые проблемы. Первая касалась его писательской деятельности. Вторая была связана с потребностью поддерживать отношения с миром. Обе проблемы грозили разрушить монашество Томаса и положить конец его созерцательной жизни. В тот момент с ним не было мудрых наставников, которые могли бы помочь ему преодолеть подводные рифы и опасные течения. Он потерял троих духовных отцов. Один из них, Оуэн, к тому времени отошел уже в мир иной. Со вторым отцом, Беннеттом, настоятелем францисканского монастыря, Мертон утратил всякую связь. Внезапно скончался третий отец Томаса,

Фредерик Дан, который был первым его аббатом. По словам Мертона, отец Фредерик всегда проявлял к нему необыкновенную доброту. Он предложил Мертону написать свою автобиографию. Именно он защищал Томаса от нападок недоброжелателей, считавших, что книга нарушает обычаи цистерцианцев. Отец Фредерик за месяц до своей кончины вручил Томасу первый экземпляр его книги.

В десятилетие, следующее за выходом в свет «Семиарусной горы», Мертон всего себя посвящает писательской деятельности. Она доставляет ему наслаждение и одновременно становится причиной ужасных страданий. Источником наслаждения являются чистая радость творчества, магия и чудо слова. Издание книги похоже на рождение ребенка. Книга создается автором, но имеет свою собственную жизнь. Литературное творчество оказывает на Мертона странное воздействие. Оно становится для него сакраментальным опытом, путем единения с Господом. Творчество питает его призвание к созерцательной жизни. Но вместе с тем оно становится для Мертона источником мучений. Известность влечет за собою тщеславие. Монастырь перестает быть тихой пристанью после того, как один из его питомцев сделался знаменитостью. Некоторые монахи возмущены вторжением Мертона в их невозмутимое существование. Казалось, что литературные занятия нашего героя нарушили закон тишины, сделали бессмысленным его пребывание в обители цистерцианцев. В 1958 году эта проблема по-прежнему оставалась для Мертона нерешенной.

Еще одним наболевшим вопросом были взаимоотношения Томаса Мертона с миром. Он приближался к осуществлению главного дела своей жизни, связанного с проблемой социальной справедливости. Необычайно много времени он посвящал переписке с разными людьми, читал присылаемые ими газеты, заказывал в местных библиотеках книги. Помыслы Мертона выходили за границы монастыря. Их предметом стал весь мир. Было ли это предательством? Честен ли Мертон перед самим собой и другими людьми? Не выдает ли он себя за кого-то другого? Кто виноват? Не заслуживает ли он наказания? Не стала ли жизнь для него слишком легкой? Чем придется расплачиваться за грехи? Достиг ли он очищения? Не чрезмерны ли его притязания? Совместимы ли монастырское спокойствие и творческая жизнь? Не пытается ли он стать причастным миру

и избежать при этом риска, с которым сопряжено мирское существование? Не стал ли монастырь удобным местом, надежным убежищем от тех жизненных невзгод, которые встают на пути его живущих в миру современников, которые избрали стезю влияния и славы? Соответствует ли постоянное общение с людьми во всей их заурядности его монашескому призванию? Как влияет на его публичное самоопределение ежедневное соприкосновение с людскими заботами и разочарованиями?

Такие мысли наполняют Мертон горечью и раздражением. Если мир был источником его бед, если именно от мира он искал спасения в монастыре, так почему же и тут его не покидают мирские заботы? Почему после стольких лет монашества он совсем не изменился? Почему ему не помогли молитвы и жертвы, пребывание в безвестности и уединении, посты и епитимьи?

Таково было душевное состояние монаха, который 18 марта 1958 года ожидал зеленого сигнала светофора на перекрестке Четвертой улицы и Волнат-стрит.

Он смотрел на окружавших его людей и ощущал в себе глубокую любовь ко всему человечеству. Ему казалось, что он пробудился от сна. То был сон отчуждения, иллюзия собственной обособленности и индивидуальности. Мертон утверждает, что между людьми не существует границ. Все разграничения искусственны и носят правовой характер.

Он сознает чудовищность своей ошибки. Образ жизни человека не отделяет его от других людей. Напротив, нечто объединяет всех нас в неразрывном единстве. Неважно, мирянин ты или монах. Имеет значение только принадлежность к роду человеческому. Бог воплотился не в монаха, а просто в человека. Слава воплотившегося Господа — в человеческом облике Иисуса. Бог Эммануил есть часть нашей семьи. Он не является отличной, отдаленной, обособленной, отчужденной, живущей сама по себе сущностью.

Это описание мы находим в книге Томаса Мертона, носящей прекрасное название — «Догадки виноватого наблюдателя» («Conjectures of a Guilty Bystander»). Дарованное откровение сняло с него комплекс вины, причинами которого стали отказ нашего героя от участия в делах человеческих и занятая им позиция стороннего наблюдателя.

Язык книги отличается большой эмоциональной напряженностью.

Мертон испытал сильное потрясение. В центре торгового квартала он вдруг осознал, что между ним и другими людьми имеется неразрывная связь. Святость не всегда обусловлена удалением от мира. К сожалению, монастыри слишком часто становятся очагами вражды с мирской жизнью. Целью Боговоплощения не было создание оплота Бога против человечества. Как заблуждается тот, кто считает, что жизнь, посвященная Господу, делает людей существами иного рода! Поистине, его высокомерие и самонадеянность не знают пределов!

Святость коренится в повседневной жизни. Она присуща нашему мирскому, земному существованию. По мнению Мертона, нелепо думать, что монах чем-то лучше простого смертного.

Ему хотелось смеяться от радости, причиной которой было дарованное ему освобождение. Он возносил Богу благодарственные молитвы. Он неустанно повторял, что Бог создал его таким, как все, и потому он должен быть Ему безмерно благодарен. Слава тебе, Господи! Вечная слава! На перекрестке Четвертой улицы и Уолнат-стрит отошли в прошлое иллюзии, терзавшие нашего героя в течение долгих семнадцати лет. Быть человеком — вот все, что нужно, для того чтобы одержать победу во вселенском масштабе.

Мертон смотрел на лица людей, озаренные солнцем. В этом сиянии он видел скрытую красоту человеческого сердца, средоточие его подлинной сущности, куда не проникают зло и грехи. Ни ошибки людей, ни жизнь в этом мире не в силах запятнать исконную чистоту человеческой природы. Разве не глупо утверждать противоположное? Если бы люди смогли увидеть свою подлинную сущность, они, опустившись на колени, окружили бы друг друга почитанием.

Бог хранит подлинные алмазы в наших сердцах. Незримый свет небес омывает эти алмазы в великолепном сиянии. Каждый уголок земли есть врата неба.

В который раз ниспосланное Мертону откровение помогло разрешить стоявшую перед ним проблему. Он миновал перекресток и вступил в новую жизнь. В последние десять лет своего земного пути наш герой не будет больше чувствовать себя виноватым из-за того, что он избрал литературное творчество, предпочел быть тем, кем он на самом деле был. Мертон посвятил это последнее десятилетие социальной справедливости и созерцанию, политике и молитве, литургии и жизни.

Оглядываясь назад

За столь короткое время мы с вами преодолели огромный путь. Возможно, в предложенном здесь описании отразилась и наша с вами жизнь. Во всяком случае, мы попытались изложить в этих беседах с полной достоверностью все то, что пережили сами.

Мы познакомились с человеком, который сначала казался столь непохожим на нас. Мы обрели в нем брата, родственную душу, члена нашей семьи. В нем мы увидели самих себя. Возможно, именно так ученики узнали Иисуса.

В Мертоне мы ощутили потрясения и метания XX столетия. Благодаря ему мы смогли примириться с самими собой, с нашим временем и современниками, с нашими друзьями и врагами. Он избавил нас от отдаления и отчужденности, превращавших нас в изгнанников своего собственного существования.

Попутно мы старались молиться, приобщились к идеям ненасилия, познакомились с Востоком и его духовностью, проникли в мир мистических переживаний и человеческого опыта. Мы путешествовали по Европе и западному полушарию, побывали в Азии и Кентукки, посетили Рим, Нью-Йорк и Луисвилл. Мы были рядом с Мертоном в первые годы его жизни, видели смерть его родителей, узнали о его видениях и искушениях. Наш наставник разделял с нами поэзию и прозу, страдания и благодати. С ним мы были в Гефсиманском аббатстве и на Шри-Ланке, в Луисвилле и Хиросиме. Он заставил нас по-новому взглянуть на Ганди и буддизм, дзэн и католичество.

Вопросы для размышления

Напоследок предлагаю вам несколько вопросов, над которыми вы сможете подумать и после завершения цикла наших бесед.

- Каковы были самые значительные моменты в вашей жизни?
- Были ли они священны сами по себе или вам понадобилась помощь Церкви, чтобы осознать, что случившееся — от Бога?
- Кто был для вас святым в вашей повседневной жизни?

- Верите ли вы в то, что Бог, несмотря на наши грехи, сохраняет нашу внутреннюю чистоту?
- В каких словах вы могли бы охарактеризовать жизнь Томаса Мертона?
- В каких словах вы могли бы охарактеризовать вашу собственную жизнь?
- Как повлияло бы на вашу жизнь пребывание в монастыре? Чем бы оно ее обогатило? Чем обеднило?
- Священнослужители и монашеские общины существовали и во времена Иисуса Христа. Почему же, на ваш взгляд, Бог предпочел воплотиться в обычного человека и плотника?
- Если мы верим в вездесущность Бога, то почему нам так трудно обрести Его в нашей собственной жизни?
- Назовите десять самых простых вещей, которые мы делаем в нашей обыкновенной жизни. Попробуйте понять их значение и сакральный смысл. Поразмыслите над присущей им способностью делать жизнь человека действенной и приближать его к Богу.

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

сочетает в себе черты конфессионального и светского учебных заведений, ориентирован на мирян, открыт межконфессиональному диалогу и свободным дискуссиям. Помимо библейско-богословских предметов студенты ББИ изучают широкий спектр общегуманитарных дисциплин. На конкурсной основе лучшим студентам выплачивается стипендия и предоставляется общежитие (для иногородних).

Сегодня ББИ — это:

- ♦ государственная аккредитация по направлению «теология»
- ♦ высшее гуманитарно-богословское образование по библеистике, христианской культуре, библейским языкам, богословию, философии, истории церкви, литургике и социальным дисциплинам
- ♦ второе высшее образование, индивидуальные программы для специалистов и повышение квалификации преподавателей и катехизаторов
- ♦ начальное и заочное богословское образование, публичные лекции
- ♦ летние богословские институты
- ♦ научные программы (семинары, конференции, исследовательские проекты)
- ♦ издательская деятельность (учебники, монографии, материалы конференций, журнал «Страницы» и альманах «Мир Библии»)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ББИ

СТРАНИЦЫ: богословие, культура, образование.

Ежеквартальный журнал ББИ (издается с 1996 г.)

«МИР БИБЛИИ» №№1-10. Иллюстрированный альманах

Серия «Современная библеистика»

- ТЕКСТОЛОГИЯ НОВОГО ЗАВЕТА. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. *Брюс М. Мецгер. Пер. с англ.*
- КАНОН НОВОГО ЗАВЕТА. Возникновение, развитие, значение. *Брюс М. Мецгер. Пер. с англ.*
- РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ НОВОГО ЗАВЕТА. Их источники, передача, ограничения. *Брюс М. Мецгер. Пер. с англ.*
- ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ В НОВОМ ЗАВЕТЕ: Исследование природы первоначального христианства. *Джеймс Д. Данн. Пер. с англ.*
- ВВЕДЕНИЕ В ТЕКСТОЛОГИЮ ВЕТХОГО ЗАВЕТА. *Дж. Вайнгрин. Пер. с англ.*
- ТЕКСТОЛОГИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА. *Эмануэл Тов. Пер. с англ.*

- ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВОВ. Историко-филологический комментарий. Гл. I-VIII. *Ирина Левинская*
- ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКИХ СТРАН. *Николай Мерперт*
- ИИСУС И ЕВАНГЕЛИЯ. Словарь. *Под ред. Джоэля Грина и др. Пер. с англ.*
- ИИСУС И ПОБЕДА БОГА. *Н. Т. Райт. Пер. с англ.*
- ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ СКАЗАЛ АПОСТОЛ ПАВЕЛ. Был ли Павел из Тарса основателем христианства? *Том Райт. Пер. с англ.*
- «ЭТИКА НОВОГО ЗАВЕТА. *Ричард Хэйс. Пер. с англ.*

Серия «Диалог»

- ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО. От конфронтации к диалогу. Хрестоматия. *Сост. Алексей Юдин.*
- ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. Антология ключевых текстов. *Сост. Майкл Киннемон и Брайан Коуп. Пер. с англ.*
- БОГОСЛОВСКИЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ВОСТОЧНЫМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ. *Сост. и ред. Кристин Шайо. Пер. с англ.*
- ВЕРА И СВЯТОСТЬ. Лютеранско-православный диалог 1954-2002 гг. *Ристо Сааринен. Пер. с англ.*
- ИУДЕЙСКО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ. Словарь-справочник. *Под ред. Дж. Вайгодера и Леона Кленцкого. Пер. с англ.*
- ХРИСТИАНСКО-ИУДЕЙСКИЙ ДИАЛОГ. Хрестоматия. *Сост. Хелен Фрай. Пер. с англ.*
- ХРИСТИАНСТВО, ИУДАИЗМ И ИСЛАМ. Верность и открытость. *Под ред. архиепископа Жозефа Доре. Пер. с фр.*
- ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ. Проблемы диалога. Хрестоматия. *Сост. Алексей Журавский.*
- ХРИСТИАНСТВО В АРАБСКОМ МИРЕ. *Хасан бин Талал. Пер. с англ.*
- ИСЛАМ И ЗАПАД. *Бернард Луис. Пер. с англ.*
- ИСЛАМ, ХРИСТИАНСТВО И ЗАПАД. Непростая история. *Роллин Армур. Пер. с англ.*
- СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ. *Сост. Джекоб Ньюзнер. Пер. с англ.*
- УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ В РАЗНЫХ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЯХ. Сборник статей.
- УМБЕРТО ЭКО И КАРДИНАЛ МАРТИНИ. Диалог верующего с неверующим. *Пер. с англ.*

Серия «Современное богословие»

- ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТУРГИЯ. Развитие евхаристического богослужения на православном Востоке. *Хью Уайбру. Пер. с англ.*
- ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. *Епископ Каллист Уэр. Пер. с англ.*
- ВОПЛОЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ. *Виген Гуроян. Пер. с англ.*
- ПРАВОСЛАВИЕ. *Павел Евдокимов. Пер. с фр.*
- ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВИЕ. *Архиепископ Михаил (Мудьюгин).*

- СЛУЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЦЕРКВИ. *Элизабет Бер-Сижель. Пер. с фр.*
- О ХРИСТИАНСКОМ БОГОСЛОВИИ. *Архиепископ Кентерберийский Роуэн Вильямс. Пер. с англ.*
- ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ. *Карл Барт. Пер. с нем.*

Серия «Религия и наука»

- ВЕРА ГЛАЗАМИ ФИЗИКА. *Джон Полкинхорн. Пер. с англ.*
- РЕЛИГИЯ И НАУКА. История и современность. *Иен Барбур. Пер. с англ.*
- ЭТИКА В ВЕК ТЕХНОЛОГИИ. *Иен Барбур. Пер. с англ.*
- НАУКА И РЕЛИГИЯ. Некоторые исторические перспективы. *Джон Брук. Пер. с англ.*
- БИОЭТИКА. Учебник. *Элио Сгречча, Виктор Тамбоне. Пер. с итал.*
- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА. *Владета Йеротич. Пер. с серб.*

Серия «История Церкви»

- РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВНОСТЬ. Вторая половина XX века. *Архиепископ Михаил (Мудьюгин).*
- ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РУСИ, РОССИИ И СССР. *Дмитрий Поспеловский.*
- РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. 1917-1941 гг. Документы и фотоматериалы. *Составитель О. Ю. Васильева.*
- ТОТАЛИТАРИЗМ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ. *Дмитрий Поспеловский.*
- ХРИСТИАНСТВО ВОСТОКА И ЗАПАДА. В поисках зримого проявления их единства. *Эрнст Суттнер. Пер. с нем.*
- ИСТОРИЯ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА. *Под ред. Джузеппе Альберго, в 5 томах. Пер. с итал.*

Серия «Религиозные мыслители»

- НЕСЧАСТНЕЙШИЙ. Сборник произведений. *Серен Керкегор.*
- ВЕЛИКИЕ РЕВОЛЮЦИИ. Автобиография западного человека. *Ойген Розениток-Хюсси. Пер. с англ.*

Серия «Современная апологетика»

- ТРАКТАТЫ. Небеса, по которым мы тоскуем. Три толкования жизни. *Питер Крифт. Пер. с англ. О книге «Экуменический джихад». Наталья Трауберг.*
- ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА. *Генри Нувен. Пер. с англ.*

Серия «Услышать человека»

- ПОСЛУШАЙТЕ ДЕТЕЙ. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, НАКОНЕЦ... *Сост. Аньет Кемпбелл. Пер. с англ.*
- НЕЗРИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ. *Элен Гизан-Деметриадес. Пер. с фр.*
- ЭТОТ НЕИСПРАВИМЫЙ ИНДИВИДУАЛИСТ. *Пол Гундерсен. Пер. с англ.*
- УСЛЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА. *Поль Турнье. Пер. с англ.*
- УРОКИ РАЗДУМЬЯ. *Филлип Аобстейн. Пер. с фр.*
- ПРОЩЕНИЕ: Разрывая оковы ненависти. *Майкл Хендерсон. Пер. с англ.*

Приложения к журналу «Страницы»

- СБОРНИК УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ББИ. 2003 год, 3-е изд. доп.
- ПРИМИРЕНИЕ. Сборник материалов коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре, Шеветонь, Бельгия, 1995.
- КРЕЩЕНИЕ И ОБЩЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ. Сборник материалов коллоквиума в Крестовоздвиженском монастыре, Шеветонь, Бельгия, 1998.
- ПОИСКИ ЕДИНСТВА. Проблемы религиозного диалога в прошлом и настоящем. Сборник.
- 400 ЛЕТ БРЕСТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ (1596-1996). Критическая переоценка. Сборник материалов международного симпозиума. Голландия, 1996.
- СОБОРНОСТЬ. Статьи из журнала англикано-православного Содружества св. Албания и преп. Сергия (Оксфорд). Пер. с англ.
- НЕОЯЗЫЧЕСТВО НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ. Сост. Виктор Шницерльман.
- БИБЛИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ И ПРАВОСЛАВНОГО СЛАВЯНСКОГО МИРА. К 500-летию Геннадиевской Библии. Сборник материалов международной конференции. Москва, 1999.
- СОКРОВИЩЕ В СОСУДАХ ГЛИНЯНЫХ. Руководство по экуменической герменевтике. Пер. с англ.
- КНИГА БЫТИЯ. Новый перевод.
Серия «Читая Библию» (приложение к журналу «Мир Библии»)
- ВЕЛИКИЕ ТЕМЫ ПИСАНИЯ. Ветхий Завет.
Ричард Рор, Джозеф Мартос. Пер. с англ.
- ВЕЛИКИЕ ТЕМЫ ПИСАНИЯ. Новый Завет.
Ричард Рор, Джозеф Мартос. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ МАТФЕЕМ. Превосходя закон. Лесли Дж. Хопп.
Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ МАРКОМ. Школа ученичества.
Стивен Дойл. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ ЛУКОЙ. Шаг за шагом к Слову Божьему.
Барбара Рэйд. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ЕВАНГЕЛИСТОМ ИОАННОМ. Чтобы вы имели жизнь.
Рэймонд Э. Браун. Пер. с англ.
- ЧИТАЯ ЕВАНГЕЛИЯ С ЦЕРКОВЬЮ. От Рождества до Пасхи.
Рэймонд Браун. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С АПОСТОЛОМ ПЕТРОМ. Путь от греха к святости.
Джим Уиллинг, Тэмми Банди. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ИОВОМ И ЮЛИАНОЙ НОРВИЧСКОЙ. Веруя в то, что все будет хорошо. Кэрол Люберинг. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С КЛАЙВОМ ЛЬЮИСОМ. Настигнут радостью.
Роберт Ф. Морно. Пер. с англ.
- БЕСЕДЫ С ТОМАСОМ МЕРТОНОМ. Как стать самим собой?
Энтони Т. Падовано. Пер. с англ.

- ☑ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРОПОВЕДИ. *Генри Драммонд. Пер. с англ.*
- ☑ ИИСУС В ЕВАНГЕЛИЯХ. Учитель. Пророк. Друг. Мессия. *Артур Заннони. Пер. с англ.*
- ☑ ПЕРЕЧИТЫВАЯ БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОРИИ. Открой свою историю с Ветхом Завете. *Макрина Скотт. Пер. с англ.*
- ☑ ОБРАЗЫ ИИСУСА. Десять граней личности Христа. *Альфред Макбрайд. Пер. с англ.*

Литературная серия

- ☑ ПРОРОК. Халиль Джибран. *Пер. с англ.*

Книги вне серий

- ☑ РУКОПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. *Элизабет Бер-Сижель, Епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Пер. с фр. и англ.*
- ☑ МИР МЕГАЛИТОВ И МИР КЕРАМИКИ. *Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. Э. Л. Аевская.*
- ☑ ЗОВ ПУСТЫНИ. Биография малой сестры Магдалены Иисуса. *Катрин Спинк. Пер. с англ.*
- ☑ РОССИЯ, ПОЛЬША И ЧЕНСТОХОВСКАЯ ИКОНА БОГОРОДИЦЫ. *Питер Андерсон. Пер. с англ.*
- ☑ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И РЕЛИГИЯ. Хрестоматия. *Сост. Вениамин Новик.*
- ☑ РУКОВОДСТВО ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ АВТОРСКОМУ ПРАВУ. *Пер. с англ.*

Издания ББИ

МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ:

“БОГОСЛОВСКАЯ КНИГА” — киоск ББИ; Тел.: (095) 270-22-00
 “СИРИН” — Москва, ул. Автозаводская, 17; Тел.: (095) 277-22-28
 “ПАОЛИНЕ” — Москва, ул. Б. Никитская, 26 / 2; Тел.: (095) 291-50-05
 “СЛОВО” — С.-Петербург, ул. М. Конюшенная, 9; Тел.: (812) 311-20-75

А ТАКЖЕ ЗАКАЗАТЬ ПО ПОЧТЕ:

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ
 ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
 Тел./факс: (095) 270-22-00, 270-76-44
standrews@standrews.ru
www.standrews.ru

Энтони Падовано

Беседы с Томасом Мертонем.

Как стать самим собой

Книга Энтони Падовано из серии «Читая Библию» посвящена размышлению над Словом Божиим, но в не совсем обычной форме. Здесь нашим собеседником становится один из современных христианских писателей – Томас Мертон, который относится к числу самых ярких и популярных, но до сих пор вызывающих жаркие споры авторов XX века. Его жизнь, его книги, даже его смерть были восприняты разными людьми очень по-разному. Казалось бы, разве может быть такой человек путеводителем к Слову Божьему? Как он может научить нас читать Библию? Энтони Падовано считает, что может, именно потому, что Томас Мертон – наш современник. Он прошел все искушения

XX века и, в конце концов, сделал свою жизнь самым главным доказательством того, что Бог продолжает действовать сегодня с той же силой, что и в библейские времена.

Сам Томас Мертон сравнивал свой путь с призванием библейского пророка Ионы, который убежал от Бога, но которого Бог настиг и заставил сделать то, ради чего пророк был избран. Одна из главных его книг называется «Семи-ярусная гора», а восхождение на гору – это тоже библейский символ. Не буква, но дух Писания, изменивший жизнь хотя бы одного человека, может открыть нам тайну Библии, равно как и тайну жизни каждого из нас. Не случайно книга имеет подзаголовок «Как стать самим собой».

Энтони Падовано

– доктор систематического богословия в Григорианском университете в Риме и доктор английского языка и литературы Фордхэмского университета в Нью-Йорке. Его перу принадлежат более

двадцати пяти книг, статей и драматических произведений. Он читает лекции по вопросам религии и духовной жизни. Некоторые из них посвящены Томасу Мертону как одному из главных символов двадцатого столетия.

ISBN 5-89647-083-5

9 785896 470830